

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ВИРУС ЗАБВЕНИЯ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

Виталий Эдуардович Абоян
Вирус забвения
Серия «Анклавы»
Серия «Анклавы Вадима Панова»
Серия «Соколиная охота», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465185
Вирус забвения: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52656-7

Аннотация

Из прошлой жизни ему досталось лишь имя Лохлан Флетт и умение ловко орудовать ножом, а больше он не знал о себе ничего. Он нашел ее на Пустыре – в развалинах Храма Истинной Эволюции, неподалеку от тела убитого им уродца храмовников. Он рассчитывал на что-нибудь более ценное, но в сейфе из титапласта оказалась лишь книга – фолиант в черной коже с текстом на непонятном языке. Но бесполезная находка открыла истинные причины кровавой вакханалии, воцарившейся на улицах Анклава Эдинбург, а Лохлану Флетту «посчастливилось» принять в беспорядках самое непосредственное участие. Впрочем, кого удивишь кровью в мире, разваливающемся на куски после Катастрофы? Только не

Флетта. Он всегда готов ввязаться в драку, даже если это мятеж, поднятый Шотландцем Бойдом против некогда всемогущей Службы Безопасности Анклавов. И таинственные заклинания из черной книги тоже сослужили Лохлану Флетту свою службу. Вот только, кто знает: хорошую или дурную?

Содержание

* * *	5
Глава первая	15
1	15
2	28
3	46
4	61
5	78
Глава вторая	101
1	101
2	118
3	128
4	137
5	146
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Виталий Абоян

Вирус забвения

*Лишь почитая богов и
Храмы побежденных,
Спасутся победители.*

Эсхил. Агамемнон

*Люди забывают по необходимости, а не по
желанию.
Мэтью Арнольдс*

Комната чистая. Хорошо освещенная, даже слишком – яркий свет режет глаза. Электричество? Наверняка. Сколько сейчас времени? Лохлан машинально повел глазами вниз и влево, забыв, что «балалайка» уже давно не включалась и часы на наноэкране не отображаются. Но не в этот раз – светящиеся цифры тут же выплывают из небытия, сообщая хозяину наноэкрана одну из точек отсчета. Теперь хотя бы понятно, «когда», но все так же остается неизвестным ответ на вопрос «где?». Рядом с цифрами времени уверенно застыла пиктограмма, оповещающая о том, что

обнаружен сигнал сети. Что это за чудное место такое с электрическим светом – а ведь и светит ровно, не прыгает, словно мотылек над свечой в предсмертной судороге, – и работающей сетью?

Лохлан повертел головой, стараясь рассмотреть как можно больше из того, что его окружало. Стулья, стол, какие-то планшеты – все предметы проступали сквозь пелену яркого света, источник которого обнаружился прямо перед лицом. Обычная настольная лампа, только плафон почему-то повернут так, чтобы светить Лохлану в глаза.

Голова кружится и плохо соображает. Кажется, что после хорошей попойки, но память не отзывается – судя по всему, выпить здесь никто не предлагал.

Лохлан дернул рукой, намереваясь закрыть лицо ладонью, но предплечье вдруг наткнулось на твердое и холодное. Так и есть – на запястье правой руки надет «браслет» наручников. С другой стороны он пристегнут к подлокотнику кресла, в котором сидит Лохлан. Взгляд в сторону – одними глазами – левая рука тоже фиксирована.

– Вроде бы очнулся, – послышался голос из-за пелены света.

– Ты с дозой не ошибся? – спросил другой.

Оба говорящих – мужчины, но Лохлану никого не видно, они прячутся в полумраке.

– Нет, все нормально. Сейчас немного очухается, и можешь начинать.

Странно, с кем они разговаривают? Лохлан помотал головой, надеясь добиться от нее более связных мыслей, но достиг лишь приступа головокружения и тошноты.

– Я... х...р...то... – попытка начать разговор не увенчалась успехом. Во рту пересохло, язык прилип к небу и, казалось, распух, сделавшись ленивым и неповоротливым. – Пии-ить, – одними губами прошелестел Лохлан.

– Нормально все, – уверенно заявил тот, что предлагал начинать.

– Как ваше имя? – Второй голос говорил тихо и даже как-то устало.

Лохлану это показалось странным – он ожидал крика.

– Лохлан Флетт, – услышал он собственный голос еще до того, как понял, что вообще что-то сказал. Очень знакомое ощущение, вот только откуда?

Свет, бьющий в глаза, исчез так стремительно, что Лохлан на мгновение успел испугаться, что лишился зрения. Что-то с ним было не так, чувства обострились, будто кто-то неведомый оголил все нервные окончания. И страшно хотелось пить. Невыносимо – наверное, так в аду черти мучают грешников.

– Что?.. – начал один из мужчин, сидевших за столом, но Лохлан не дал ему договорить.

– Пить!

Глаза начали привыкать к царившему в комнате полумраку. Мужчин было двое, и голосов – тоже, никто не на-

блюдал за беседой, все участвовали. Один крупный, с коротким ежиком волос соломенного цвета и в слегка блестящем костюме, усиленно тер массивный подбородок потной ладонью. На его лице написана высшая степень недовольства и нетерпения, он спешит и, похоже, не верит в успех. Знать бы еще – в успех чего.

Второй – полная противоположность первому: маленький, худой до болезненности, с тщательно уложенными темными (возможно, черными – в полумраке не разобрать) волосами, падающими на лоб, в черной рубашке с расстегнутым воротником. Его глаза неотрывно следили за Лохланом, за все время, что Флетт смотрел на него, темноволосый ни разу не моргнул, руки, подпирающие острый подбородок, оставались неподвижными. Он олицетворял собой интерес и внимание, ему, в отличие от напарника, как будто спешить было некуда.

– Дай ему воды, – несколько раз дернувшись, но так и не оторвав задницу от стула, сказал светловолосый здоровяк. – Пусть уже расскажет побыстрей и...

– Подожди, – так же тихо ответил темноволосый. Голос этого человека, казалось, начисто лишен эмоций. Черные, словно стволы «дыроделов», глаза продолжали держаться на мушке Лохлана.

Что же так пить-то хочется? Сколько он уже здесь – по ощущениям, так пару дней маковой росинки во рту не держал, никак не меньше.

– Что вы делали на площади, перед Замком? – Казалось, что темноволосый не разговор ведет, а просто читает с глазных наноэкранов список вопросов, написанный кем-то другим.

Лохлан не успел подумать над ответом. Еще до того как в голове появились мысли и хоть какие-то связные воспоминания насчет площади, он услышал собственный голос, говорящий твердо и уверенно. Слова получались грубыми и резкими, но это, понял Лохлан, из-за того, что горло совсем пересохло.

– Просматривал сообщения.

– Какого рода сообщение вас интересовало? – Между полученным ответом и следующим вопросом не было даже секундной паузы.

– О покупке.

О какой покупке? Что он такое говорит? Лохлану стало не по себе. Возможно, если бы не так сильно хотелось пить, он смог бы оценить ситуацию, а так... Нет, пить хотелось просто невыносимо. Лохлан сглотнул, стараясь произвести это действие максимально шумно, чтобы пожалобить своих мучителей, но ничего не вышло – во рту не было ни капли слюны, и пересохшее горло лишь беззвучно дернулось, добавив неприятных ощущений.

– Вы покупали что-то?

– Продавал.

Покупал, продавал... Никакой разницы, сейчас Лохлан

продал бы что угодно, лишь бы ему дали глоток воды.

— Что вы продавали?

— Книгу.

— Какую книгу?

Хороший вопрос. Что за книга могла у него быть? Лохлан вообще сомневался, что может иметь хоть малейшую причастность к торговле книгами. Но ведь он так сказал темноволосому, он сам сказал, что продавал книгу. Что, черт возьми, он такое мелет?

— Дай ему воды, — сказал темноволосый блондину.

Тот нетерпеливо вскочил, сделал пару шагов куда-то направо, в полумрак, полностью исчезнув из поля зрения Лохлана. Оттуда послышались звуки льющейся воды. Флетт весь обратился в слух, предвкушая, как в его рас-трескавшееся, словно пересушенная суховеем земля, горло польется то, что издает чарующие звуки.

— Как выглядела книга? — послышался голос, очень знакомый голос, Лохлан слышал его совсем недавно, но никак не мог вспомнить где. Он уже спрашивал про книгу.

— Небольшая, в черной матовой обложке...

Так и есть, этот голос говорил о воде, он приказал принести воду ему, Лохлану, а теперь Лохлан слышал, как какой-то монстр огромными жадными глотками пьет его воду. Ногти вонзились в подлокотники кресла, металлические браслеты впились в кожу на запястьях. Какое этот негодяй имел право выпить его воду, ведь голос обещал питье

Лохлану?!

– Вы обещали воду мне! – выкрикнул Лохлан. – Пускай он отдаст ее!

– Как выглядела книга? – повторил вопрос голос. Флетт повернулся на звук и встретился глазами с худощавым темноволосым человеком. Да, это он, тот, что все время задавал вопросы, словно читал их с наноэкрана. Но в этот раз взгляд черных глаз изменился, в прищуре появилось недовольтство, а в голосе нотки раздражения, вытеснившие безразличие и монотонность.

– Какая книга? – Лохлан искренне не понимал, что хочет от него этот человек, обещавший воду. Он искренне желал оказаться полезным, но о книге ничего не знал.

Темноволосый плотно сжал губы, глубоко вдохнул, будто намереваясь надуться, как рыба-еж, и резким движением повернул плафон лампы, снова направив свет в глаза Лохлану. Тот непроизвольно зажмурился, окончательно потеряв нить разговора.

– Я сказал дать воду ему, а не самому пить ее! – проорал знакомый голос из-за пелены яркого света.

Из ниоткуда появился пластиковый стаканчик, уткнувшись Лохлану в нос. Большие половины воды выплеснулось на лицо. Лохлан жадно облизнулся, а потом, поняв, что стакан убирать не будут, потянул зубами на себя мягкий пластиковый край и одним большим глотком втянул в себя содержимое.

– Что вы делали на площади? – Свет, бьющий в глаза, исчез, вместо него появилось узкое, худое лицо, обрамленное жиденькими темными волосами, и потный светловолосый здоровяк с бегающими глазками, остервенело трущий огромной ладонью квадратный подбородок.

– На какой площади? – спросил кто-то. Голос показался незнакомым, но Лохлан быстро понял, что говорил он сам.

– Что вы делали на площади возле Замка?

– Просматривал сообщения.

Да, он вспомнил. Теперь, когда пить уже хотелось не так сильно, Лохлан начал припоминать что-то о книге. Ведь именно о ней спрашивал этот темноволосый тип. Когда спрашивал? А впрочем, не важно. Книга действительно была. Но что Лохлан мог о ней рассказать? Этим, что пряталась за ярким светом своей лампы, было видней – Лохлан уже начал догадываться, что происходит.

Он посмотрел вниз, на локтевой сгиб правой руки: там, на бледной и не очень чистой коже четко виднелась маленькая красная точка от укола. Ему ввели «открывалку», химию, сыворотку правды – называй как угодно, суть не изменится. Отвечая на вопросы, можно не думать, попытки что-либо утаить – бесполезны, мозг выдаст все, что хранится в памяти, развертывая логическую последовательность, соответствующую набору заданных вопросов. Теперь понятно, почему темноволосый смотрел так, будто читал с наноэкрана, – он и на самом деле читал. Тщательно разрабо-

танный психологами список, который должен вывести дознавателей на верный путь. Скорее всего этот темноволосый и был психологом. А потный, значит, дознаватель. А может, и нет. Похоже, у светловолосого опыта работы с «открывалкой» немного, вот и потеет – волнуется.

– Небольшая, в черной матовой обложке без надписей, – послушно отвечал на вопрос темноволосого Лохлан. Что самое интересное, для него рассказ о таинственной книге, которой интересовались эти совсем непростые господа, тоже был новостью – ни о какой книге он ничего не помнил. Но сомнений быть не могло, раз рассказывал, значит, знал, – бумажная.

Темноволосый изменил своей привычке не мигая смотреть прямо в глаза Лохлану, и повернул голову, бросив недоуменный взгляд на здоровяка.

– Кто автор этой книги? – Темноволосый немного запинаясь.

И глаза его выглядели как-то иначе, чем до того, – он перестал читать, это был экспромт. И, надо сказать, не самый удачный.

– Не знаю, – честно ответил Лохлан и почувствовал, как логическая цепочка, выстроенная в его голове серией «правильных» вопросов, начинает медленно, но неотвратимо рушиться: он снова не понимал, о какой книге идет речь. А ведь придется понять, эти господа так просто от него не отстанут.

Нет, Лохлан особенно не рвался уйти отсюда. Тем более, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что отсюда у него только один путь – на небеса. Или в небытие. Это кто чему больше верит. Но пока ему здесь даже отчасти нравилось. Нет, Лохлан не был извращенцем – разбитый рот (как били, он не помнил, но били, судя по всему, не так давно, потому что губы еще не очень хорошо слушались), пристегнутые наручниками руки, какая-то химическая дрянь в крови, которая выворачивала мозги наизнанку, – ничего из вышеприведенного списка не доставляло Лохлану удовольствия. Но здесь было тепло, здесь было электричество, и это означало только одно – в этом месте можно жить намного лучше, чем он жил раньше.

А вопрос его дальнейшего будущего... Лохлан во многом был человеком несведущим, но совершенно точно знал одно: если ты кому-то нужен, если можешь принести пользу, убивать тебя не будут. Так что ничего не остается, как попытаться понять самому, о какой книге идет речь. Куда она делась. И как сделать так, чтобы эти господа искали ее как можно дольше, не переставая остро нуждаться в услугах Лохлана.

Но чтобы понять, что привело к такому финалу, нужно вспомнить, с чего все начиналось. Уроки истории, так сказать...

Глава первая

Две недели назад

1

Провал открылся сам собой – подошва ботинка соскользнула в подмокшей грязи и, скатившись с невысокого пригорка, провалилась в небольшую, сантиметров сорок в диаметре, нору. Первым делом Лохлан так и подумал, что дыру в земле вырыла какая-нибудь опасная шерстистая тварь, одна из тех, что, по слухам, водились на Пустыре в изобилии. Но, резко ухнув в вязкую липкую грязь до колена, нога уперлась во что-то твердое, по всем признакам похожее на бетон.

Нож, измазанный в быстро подсыхающей крови, Лохлан Флетт аккуратно вытер об одежду убитого. Странный тип. Лохлан следил за ним несколько часов, выжидая, когда подвернется удачный момент, а человек сам решил все проблемы. Несчастный пробирался какими-то трущобами, вокруг была такая гниль, что Лохлан уже задумывался, не бросить ли это дело. Но когда вдруг из чахлых кустов показалась Гарри Лодер Роуд, которую тот тип уверенно пересек, даже не глянув по сторонам, стало ясно, что он просто нарывается на неприятности.

Этот район Эдинбурга пользовался дурной славой давно, еще до всех событий, превративших мир в большую помойку. Оно и не мудрено – за Гарри Лодер Роуд, точнее, за невысокой и теперь давно не стриженной полосой плотного колючего кустарника на той стороне широкой улицы, начиналась территория корпорации Мутабор. Место, которое люди в здравом уме обходили стороной.

После того как Мутабор разгромили тритоны Сорок Два, а сами храмовники куда-то исчезли, территория опустела, но здесь не рисковали селиться даже самые опустившиеся бродяги. Поговаривали, что до сих пор в развалинах лабораторий храмовников сохранились какие-то страшные мутагены, превращающие людей в совершенно неопишуемых монстров. Лохлан, как и многие, не верил в эти рассказы, но на Пустырь не ходил. Если бы кто-нибудь спросил, боится ли он появляться там, Лохлан с уверенностью ответил бы, что нет. Просто у него на земле исчезнувших храмовников не было никаких дел. Равно как не нашлось бы дел на той стороне Гарри Лодер Роуд и у остальных жителей Анклава.

А вот сегодня дела появились – его подопечный, ни секунды не сомневаясь, рванул на Пустырь.

Этот клиент не понравился Лохлану с самого начала. Невысокий, весь какой-то нескладный, в грязном темно-сером плаще, в который он кутался, как новорожденный в пеленки. Он вел себя подозрительно и даже вызывающе. Дважды подходил к Лохлану в булочной «У Креппи», загля-

дывал в лицо, как будто даже пытался заговорить. Только Лохлану совершенно не было нужды, чтобы кто-нибудь потом вспомнил, что видел их вместе. Порядка в Эдинбурге не было давно, но следить за ним пытались все кому не лень. И у кого все еще имелись патроны. Так что совершенно не стоило в сложившейся ситуации привлекать к себе внимание.

Тип в грязном плаще купил небольшую булку, свежую, с отрубями, расплатившись наличными. Повертел, с интересом рассматривая ее, будто видел хлеб впервые, но есть не стал, спрятал под плащом.

То, что это тот самый клиент, Лохлан понял, как только увидел его. Слишком уж необычный вид, ошибиться сложно. И место заказчик указал именно это – в переулке возле булочной «У Креппи». Лохлан ведь в лавку не за булками пошел. И листок на месте, там так и сказано, черным по белому, отпечатано на качественной белой бумаге. Понятно, заказчик – человек не бедный, у него проблем с бумагой, надо думать, нет. Вот непонятно только, чем ему перешел дорогу этот пришибленный. С булкой под плащом.

Лохлан засунул руку в карман куртки и сжал листок. Отсыревшая бумага была холодной и немного осклизлой. Странно, что размокла. Лохлан вытащил смятый листок – обычное вторсырье, какой-то обрывок с корявыми надписями, выведенными от руки. Повертел его так и этак. Нет, этот почерк Лохлану не разобрать. Написано на полях вокруг черной, немного размазанной рамки, внутри рамки – неопо-

знаваемый фрагмент чего-то, скорее всего какой-то фотографии. Судя по аляповатости остатков картинки – реклама. Нет, это совсем не тот листок. Или?.. Конечно! Зачем заказчику подставляться? Лист со специальным нанопокрывом, которое благополучно растворилось, оставив в кармане Лохлана обрывок старой рекламы. Умно. А почерк знакомый, только вот все равно ни одного слова прочесть не удалось.

Как бы то ни было, а – прости, брат, – ничего личного. Такая работа. Видать, здорово насолил кому-то бедолага, что этот кто-то расщедрился на кругленькую сумму за то, что могло произойти с подобным типом в любой момент и без чьего-то целенаправленного участия. В Эдинбурге, особенно в районе, по которому Лохлану пришлось идти за этим ненормальным, и в былые-то годы за здорово живешь можно было получить нож под ребро, а теперь... Теперь и нож портить не стали бы, так, арматурой по голове – и тело в море. Незачем экологию портить, и так мертвечиной чуть не в каждой подворотне воняет.

Лохлан спрятал нож и, выдернув ногу из внезапно образовавшегося провала, подошел к убитому. Тело лежало, неуклюже перекинувшись через высокий бордюр, уткнувшись лицом в рыхлую, раскисшую от влаги землю большого газона. Бывшего газона – одному богу известно, что здесь росло у храмовников, но сейчас из разворошенной подошвами боотинок земли торчали только космы перепутавшейся пожел-

тевшей травы и мощные сухие стебли чего-то высокого.

Лохлан толкнул ногой тело – убитый оказался неожиданно легким. Он и сразу показался Лохлану невысоким и худым, но то, что он увидел под открывшимися полами плаща, было почти крайней степенью истощения. Скорченными костистыми пальцами убитый сжимал дыру на животе, чуть левее солнечного сплетения. Рухнул, как подкошенный, хватило одного удара – сомневаться не приходится, острое, немного загнутое вверх лезвие ножа Лохлана без усилий распоролло аорту.

Убийца перевел взгляд на лицо жертвы и невольно отшатнулся. Рот приоткрыт, на тонкой нижней губе капля слюны, смешавшейся с грязью, медленно стекает по подбородку. Лицо такое же худое, но глаза... Огромные глазные яблоки, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц, едва удерживаемые полуприкрытыми, уже посиневшими веками. Голова убитого странной угловатой формы, как будто надутая изнутри. Особенно это заметно в области лба, на висках. словно вдруг раздувшийся мозг норовил вырваться наружу через все возможные отверстия в черепе. Лохлан шумно сглотнул, подавляя приступ тошноты, и, перевернув ногой труп лицом вниз, шагнул назад. С такой рожей только на пустырь Мутабор и дорога. На храмовника этот тип не особенно похож, хотя что-то от Истинной Эволюции в нем однозначно есть. А когда он был живой – ведь он же заглядывал в лицо своему будущему убийце в булочной, словно поздороваться хотел, –

эти несуразности с лицом как-то не бросались в глаза.

Впереди, ближе к заливу, здания на Пустыре сохранились лучше. На востоке из размытых туманной дымкой серых бетонных развалин какого-то довольно внушительных размеров строения тонкой трепещущей струйкой в низкое свинцовое небо поднимался черный дым. Не иначе там кто-то жил. Поговаривали, что жить здесь могут только мутанты.

Не спуская глаз с черного, размытого расстоянием столба, Лохлан шагнул назад. Боль пронзила голеностопный сустав, Флетт взмахнул руками, потеряв равновесие, и плюхнулся на задницу в лужу грязи. Штаны были безнадежно испорчены. Но это лучше, чем сломать ногу – несмотря на боль в лодыжке, кости и связки, судя по всему, остались целы. А штаны обсохнут, ничего страшного.

Нога снова провалилась в ту самую нору. Нет, здесь определенно что-то было. И только теперь Флетт догадался, что тощий с выпученными глазами шел именно сюда. Что там, в этой норе?

Лохлан осторожно освободил ступню и заглянул в образовавшуюся дыру. Сверху – утоптанная грязь, какой-то мусор, осколки бетона и кирпича: судя по бетонному монолиту сбоку, раньше это место располагалось внутри здания, у самой стены. До того, как тритоны Сорок Два разгромили территорию Мутабор, камня на камне не оставив от приграничных форпостов.

Аккуратно разгребая осколки и грязь, Лохлан добрался

до того, что скрывалось под ними. В небольшом углублении в бетонном основании здания стоял металлический ящик, с полметра длиной. Стенки ящика сильно поцарапаны, но на темной поверхности ни одной вмятины. Лохлан провел рукой по шершавому боку сейфа – титапласт. Прочная штука, такую не взломаешь запросто, как какую-нибудь китайскую консервную банку. Он потер прочную броню ладонью, считая налипшую грязь, открылось клеймо. Так и есть – сделано в Баварском султанате.

Лохлан засунул руки по бокам сейфа, ухватился за какие-то выступы – наверное, петли и ручка задвижки – и потянул на себя. В спине тихонько хрустнуло и больно закололо, но сейф не сдвинулся ни на сантиметр. Даже не шелохнулся. Наверняка «пристрелен» к бетонному полу, а то и вообще – к толстой арматуре внутри его.

Точно, этот тощий шел к сейфу, не просто же так он забрался на Пустырь. И в этом месте он вряд ли оказался случайно: шел по Пустырю уверенно, словно по кварталу, в котором прожил всю жизнь. Лохлан вспомнил странное и страшное лицо убитого – может, здесь он и жил, кто его знает?

Удивительно, что такую ценную вещь, как сейф, что бы у него внутри ни лежало, до сих пор не утащили сталкеры, которые отваживались копаться на Пустыре. Сейчас они почти не бывают здесь – все, что осталось от храмовников, давно извлекли из-под обломков. А раньше, особенно после земле-

трясения, многие надеялись найти на пепелище территории Мутабор что-нибудь полезное для жизни. Что-то находили, что-то удавалось продать на рынке, по слухам, некоторые вещи даже покупали корпорации. Но в основном сталкеры откапывали совершенно бесполезный или просто непонятный для обычного человека хлам. Но вот сейф... Странно, очень странно...

Лохлан посмотрел по сторонам – если вдруг сегодня сюда принесет кого-нибудь из этих сумасшедших охотников за тайнами Храма Истинной Эволюции, делиться с ними ценной находкой он совершенно не собирался, – и принялся откапывать сейф с той стороны, где предполагал найти дверцу. Сторону Лохлан определил правильно, и уже через полчаса к дверце титапластового сейфа можно было подступиться и даже открыть ее. При условии, что знаешь код.

Конечно, глупо было надеяться, что сейф оставили открытым. Кодовый замок – еще не самый худший вариант. Вот сканер отпечатков пальцев или какой-нибудь ДНК-замок – говорят, у храмовников такого добра было в изобилии – это взломать нереально. Только код тоже... Откуда у Лохлана могут быть мощности, чтобы взломать код сейфа, сделанного баварскими специалистами?

На панели вместо цифр или букв какие-то непонятные значки. Ясное дело – храмовники сами были не люди, и код у них тоже колдовскими знаками написан.

Лохлан аккуратно провел указательным пальцем по

странным символам. Таких он никогда раньше не видел, но палец решил поспорить – ощущение очень знакомое. Откуда только? Лохлан, как ни напрягался, вспомнить не мог, чтобы ему где-то попадались похожие знаки.

Мягкие, едва ощутимые нажатия заставили проснуться маленькую цифровую машинку, упрятанную в недрах баварской титапластовой крепости. Каждый значок, к которому прикасался палец Лохлана, вспыхивал ярким алым огнем, словно уголь, раззадоренный невидимым ветром. Три символа, пять. После седьмого внутри сейфа тихо щелкнуло металлом о металл, и дверца приоткрылась.

Невероятно, он подобрал последовательность знаков в шифре! Лохлан отдернул руку и с удивлением посмотрел на собственные пальцы. Эти заскорузлые, ободранные грязные персты с обгрызенными и обломанными ногтями сотворили чудо? Нет, чудес не бывает. Есть случайность, теория вероятности. У каждого события во вселенной имеется своя вероятность. Пусть маленькая, но кто сказал, что этот единственный из миллионов шанс не мог выпасть сегодня?

Дверца открылась без единого скрипа, легко, словно перышко, – баварское производство. Стенки у сейфа толстые, сантиметров по пятнадцать, если не больше. Такие любой катаклизм выдержат.

Внутри было пусто. Чистые полки, два отделения, без единого намека на сказочные богатства, которые уже успела нарисовать фантазия Лохлана. Лишь небольшой твердый пря-

прямоугольник лежал точно по центру верхней полки.

Предмет не выглядел опасным, он казался знакомым, но пока Лохлан не мог вспомнить, что это такое. На ощупь прямоугольник оказался немного шершавым, толщиной в пару дюймов и неожиданно легким – не металл и не камень. И не пластик. Вытащив вещь наружу, в неверный свет сумерек, быстро тонущих в липком холодном тумане, Флетт присмотрелся: черная гладкая поверхность сверху и снизу и светлый, немного ребристый торец.

Внезапно нижняя часть прямоугольника выскользнула, и торец распался на целую кипу листов, разошедшихся веером. Лохлан вспомнил мгновенно – это была книга. Старинная, бумажная. Лет пятьдесят назад такими еще пользовались. Но теперь – откуда подобная архаика? Или храмовники не желали читать даже с экрана коммуникатора? Ведь «балалайками» они не пользовались принципиально.

На черной как смоль обложке не было никаких надписей. Ни нормальных, обычными человеческими буквами, ни таинственных, выполненных символами наподобие тех, что открывали дверцу сейфа. Лохлан полистал страницы. Текст набран латиницей, но как-то странно. Флетт остановил взгляд на словах, с которых начиналась первая открытая наугад страница. «Quand ris uvb ain tasec miem plus stonion pergut...» Бессмыслица какая-то. На каком это языке? Лохлан медленно перечитал слова, но ни в одном из них так и не нашел смысла. Разве что знакомый «plus» выбивался из обще-

го ряда абракадабры. А дальше? Лохлан открыл книгу на первой странице. Напрягая зрение в стремительно сгущающемся мраке подступающей ночи, он вчитывался в непонятные строки, безрезультатно пытаясь найти в странных словах тайный смысл.

Когда он решил бросить это неблагодарное занятие, небо совсем потемнело. Вечером особенно ощущалось то, что мир переменялся. Слишком велика была разница между тем, бурлящим, светящимся всеми цветами неоновых радуг миром Анклавов и этим – темным и мрачным, словно позабытое Средневековье. И здесь, на Пустыре, эта разница была еще более заметна: если в Эдинбурге все-таки имелись хоть какие-то островки света, то тут, на пепелище храма Истинной Эволюции, тьма царила первозданная. Первобытная тут была тьма, пугающая бездной опасностей, притаившихся в невидимых закоулках опустившейся на развалины ночи. Здесь сразу ощущалось, что человек – животное дневное. Откуда-то из давно позабытых уголков сознания выползали страхи, давно утраченные современным *homo sapiens*, страхи добычи, за века владения планетой возомнившей себя хищником.

Лохлан торопливо спрятал книгу во внутренний карман куртки, засыпал яму, на дне которой стоял открытый им сейф. Секунду подумал и, сбивая пальцы об острые осколки бетона, освободил оставшуюся открытой дверцу, чтобы захлопнуть – пускай следующий, кому посчастливится найти

этот сейф, помучается, прежде чем узнать, что здесь уже побывал Лохлан. Все, теперь вроде никаких следов не осталось. Только труп, кучкой грязного тряпья лежащий в нескольких метрах отсюда. Но это ничего – все знали, что на Пустырь забредают только выжившие из ума бродяги, а этот «красавчик» без всяких натяжек тянул именно на такого. Так что никого особо не удивит, что подобный тип закончил свои дни на помойке, оставшейся от храмовников.

Книгу обязательно нужно спрятать, не стоит таскать ее с собой.

По Гарри Лодер Роуд неспешно брели двое. Оба пьяные вдрызг. Лохлану, перемахнувшему через разросшуюся живую изгородь бывших владений Мутабор, прятаться смысла не было – его все равно уже заметили. Флетт замер, потянувшись к ножу, совсем недавно упокоившему странного человека на Пустыре, но остановился: послышались голоса.

– Твою мать! – выкрикнул один из прохожих. – Смотри, мутанты из храмовничьего логова лезут!

Голос бродяги срывался на визг, было ясно как день, что он напуган до крайности.

– Где, где? – послышался второй голос.

– Вон, там, у ограды. Стоит, пялится. Бежим!

Послышались быстро удаляющиеся шаги. Второй бродяга постоял несколько секунд, бросил вслед товарищу что-то вроде «пить меньше надо» и припустил следом. Лохлан довольнo улыбнулся. Нож не понадобился. К счастью – убивать

сегодня Флетт больше никого не хотел.

Лучшим местом, где можно спрятать книгу, вне всякого сомнения, была территория Мутабор, Пустырь. Но возвращаться туда Лохлан не желал ни под каким предлогом. Так что придется искать схрон в цивилизованных местах.

Он опустил глаза и обнаружил в правой руке отсыревший листок, который обычно лежал в кармане куртки. И зачем он достал этот клочок? Взгляд упал на надписи, выведенные корявыми рукописными буквами.

Зажмурился один глаз, вторым он рассматривал на просвет стакан с виски. Мутноватое стекло, мутноватое виски... Город, раскинувшийся за треснувшим витринным окном кафе, тоже выглядел мутноватым. Впрочем, он таким был и без виски.

– Вот, – Элиот тыкал грязным пальцем в сторону окна, – вот это и есть современный мир. Тут у нас, говорят, не самый худший вариант.

– Все восстановят, – не прекращая созерцание самогона под названием виски, сказал Лохлан.

Элиот усмехнулся. Посмотрел на приятеля внимательным взглядом, словно видел его впервые, и рассмеялся в голос.

– Ты что, до сих пор не понял, что мир откинул копыта? – не переставая хихикать, спросил он. – Никто не будет ничего восстанавливать. Нечего восстанавливать, реанимация не поможет, труп уже начал разлагаться. Оглянись: на что похож нынешний Эдинбург? Это все останки, брат, недоеденная падалыщиками мироздания плоть. Вот это мясо, – он постучал пальцем по исцарапанной столешнице пластикового стола, – сгниет быстро, но кости еще останутся. Может, даже, хех, окаменеют. Станут пугать... да нет – пугаться-то уже будет некому.

Лохлан оторвался от своего занятия, перевел взгляд на

смеющегося Элиота – ничего смешного в словах приятеля он не видел – и залпом выпил дерущее горло пойло. Внутри потеплело. Только виски и греет. Туманный Альбион и на самом деле был туманным, а теперь еще добавился пепел, прилетевший из раскуроченной вулканами Исландии. Только раньше это так не бросалось в глаза, когда даже в самом дрянном захолустье работало центральное отопление. Теперь здесь, на окраине, можно согреться только у костра. Да и то – костер тоже был редкостью: деревьев и до Катастрофы почти не было, так что жгли все, что удавалось найти, в основном вытащенный из развалин совсем уж бесполезный хлам.

Прав Элиот, сто раз прав. Мир мертв. Человек в клинической смерти еще какое-то время живет, может быть, даже думает. Но это лишь отсрочка: мозг думает, кишки дергаются, пытаюсь освободить организм от дерьма, а сердце уже остановилось, оно больше не способно поддерживать жизнь.

Надо же, придумал – «падальщики мироздания». Раньше Лохлан за Элиотом такого не замечал. Хотя когда оно было, это раньше?

– Анклав-то стоит, – зачем-то сказал Лохлан. Ему не хотелось спорить, просто делать все равно было нечего. Отчего не послушать пустой треп Элиота?

– Боже, Лохлан! Да ты в окно посмотри, на улицу выйди, – Элиот поймал своего конька: о судьбах мира он мог говорить часами.

С Элиотом Каннингемом Лохлан познакомился пару недель назад. Или, может быть, немного больше – что-то последнее время память стала подводить. Этот полноватый, с копной спутанных светлых волос англичанин лет сорока пяти был завсегдатаем паба «Приют друида». Вроде бы именно здесь Лохлан и встретил его впервые.

Северные окраины Эдинбурга никогда не считались респектабельным районом. Соседство с портом ни в одном городе удачным не было. Сегодня от порта мало что осталось – Северное море имело не тот масштаб, чтобы породить волну, способную стереть Анклав с лица Земли, а залив Фертоф-Форт почти свел на нет невысокий водяной вал. Но хоть и небольшое цунами аккуратно вылизало все портовые и прибрежные районы. Если выйти на улицу и пройти два-три квартала на север, можно легко обнаружить границу, где волна потеряла свою разрушительную мощь и лишь легко прокатилась, затопив первые этажи зданий. Район, изобилующий всевозможными борделями и развлечениями – как законными, так и весьма сомнительными, – был разрушен почти полностью. Но на укладе жизни здешних мест это почти не сказалось – шлюх в развалинах, оставшихся там, без труда можно найти и сегодня.

Зона старых построек обрывалась резко, будто отрезанная острым ножом. Слишком заметна была разница между построенным до Катастрофы, и тем, что соорудили на территории, разрушенной цунами, нынешние бедняки. Бóльшая

часть портовой территории Анклава Эдинбург, издавна известная как Лейт, представляла собой покосившиеся старые дома и выстроенные из хлама, оставшегося после отката цунами, лачуги. Только южная ее часть, примыкающая к Даун Тауну, сохранилась в почти первозданном виде.

Вообще-то понятие богатства ныне стало смазанным и не совсем понятным. Лохлан представил картину – сидит верхолаз на горе Корковаду у обломков статуи Иисуса, смотрит на облизанные морем и разломанные землетрясением скалы, которые когда-то были Анклавом Рио, и упивается собственным богатством. Теперь богатство у того, у кого есть ресурсы. Нефть – в первую очередь. Но и самое простое, то, что, казалось, завоевано навсегда и дается почти даром: еда, вода, электричество.

Фабрики, производящие синтетическую еду, без электричества встали. Все встало без электричества – нефти мало, практически вся техника на электричестве работает. Точнее – работала.

– Ньюингтон на месте, – таким же безразличным тоном проронил Лохлан, кивнув в сторону маячившей из-за невысокой крыши близлежащего дома «Иглы». Разумеется, прежний лоск небоскреба давно утратил, оброс какими-то платформами и пропеллерами, некоторые стекла разбиты. Это все Лохлан знал. Но отсюда «Игла» выглядела почти такой же, как пару лет назад, до того, как мир здорово встряхнуло.

– Там даже электричество кое-где есть, – противореча собственной точке зрения, уныло напомнил Элиот.

Да, в Даун Тауне электричество было. В ограниченном количестве, конечно, не везде и не всегда, но было. Окраины власти тоже иногда баловали подключениями. Лохлан подозревал, что делают это они специально, чтобы держать граждан Анклава в курсе событий – каждый раз, когда включалась сеть, информационные каналы вещали однотипную пропаганду с призывами и обещаниями.

В целом в Лейте положение было еще не самым худшим: с востока бывшая территория Мутабор, где почти никого не осталось, с юга – спокойный и респектабельный Даун Таун, на севере плескалось море. Только раскинувшийся на западе Punkground представлял какую-то опасность. Однако жителям Punkground, никогда не отличавшимся излишней учтивостью, куда выгоднее было совершать набеги на близлежащие территории Британского халифата, изобилующие полями и, соответственно, основной ценностью нынешнего мира – едой.

Нельзя сказать, чтобы деньги превратились в ничто. В Ньюингтоне или в Thunderhall они по-прежнему ценились. Да и Лохлан, живя в Лейте, не отказывался от случавшихся заработков, не особо разбирая, что приходится делать. Вот как, например, вчера.

Лохлан резким движением сунул руку в карман куртки – листок с обрывком рекламы все так же лежал там. Заказ он

выполнил, а вот денег не видать. И как их забрать? Да и у кого? Лохлан почувствовал, как неприятный холодок пробежал между лопатками снизу вверх, оставив неприятное ощущение жара на лице. Он не помнил, о чем говорилось в контракте. Помнил только, что взял лист с «Callboard», что там значились какие-то координаты. А если честно – он и этого не помнил, просто понимал, что должно быть именно так. Лохлан аккуратно развернул скомканный листок – промокший обрывок с непонятными записями от руки на полях. Попытка прочесть, что там написано, опять ни к чему не привела – эти каракули перевести на нормальный человеческий язык Лохлан был не в силах.

– Что это там у тебя? – заинтересовался Элиот. Толстяк уже давно допил свое виски и был не прочь выпить еще, но, судя по всему, финансы не позволяли. Чем зарабатывал на жизнь Каннингем, Лохлан не знал, да и не было ему это интересно. Точно так же он не планировал рассказывать о собственных занятиях.

– Так, ничего, – ответил Лохлан и прикрыл измятую бумагу ладонью. Потом решил, что скрывать здесь все равно нечего, и показал листок Элиоту. – Ты можешь прочесть, что здесь написано?

Каннингем повертел рекламу, всматриваясь в полустертые надписи. Губы его шевелились, шепча что-то совершенно неразборчивое, он щурил глаза, отодвигался назад, рассматривая листок взглядом заправского художника. Потом

Элиот вернул волглый лист Лохлану.

– Флетт, зачем ты собираешь мусор? – На лице Каннингема легко читалось отвращение. Интересно, кем он был в прошлой жизни: вел себя Элиот вполне гармонично для Лейтовского антуража, но Лохлан замечал признаки того, что его приятель явно привык совсем к другому уровню комфорта.

– Это не... – а собственно, не рассказывать же ему о заказе.

Но как получить оплату? Лохлан никак не мог вспомнить, какие условия и места назывались в контракте. Тексту полагалось быть непрямым, только указания имени или внешности и место передачи денег. Или о чем там говорилось? Лохлан с силой сжал виски и потряс головой, словно надеясь, что это поможет вернуть провалившиеся в небытие воспоминания. Важные, черт возьми, воспоминания. Выходит, зря он того беднягу зарезал, за просто так бедолага сгинул.

Или не все так плохо? Наверняка стоило сходить на «Callboard», возможно, на этой бумажке ничего и не было написано об оплате. Так иногда делают – вторую часть контракта публикуют отдельно, чтобы не светиться. Риск, что тебя обманут, конечно, есть, но на самом деле мало кто кидает наемников – сегодня ты заказал, завтра тебя заказали.

Лохлан посмотрел на свое призрачное отражение в небольшом окошке паба. Темно-рыжие спутанные волосы, не очень длинная, но уже начавшая виться борода еще более яркого рыжего оттенка, лицо не очень чистое, глаза красные,

не выпавшиеся, – в общем-то, нормальная внешность для мужчины средних лет. Но что-то в этой картинке Флетту не нравилось. Только он сам не мог понять что.

– Ты на «Callboard» сегодня ходил? – вдруг поинтересовался Элиот.

С чего бы это он? Или Лохлан что-то ему рассказывал? Флетт снова потер виски, но никаких воспоминаний об этом деле не возникло. Только вчерашний убиенный – страшный он был какой-то.

Нет, надо что-то делать с головой – Лохлан все чаще ловил себя на мысли, что не может вспомнить какие-нибудь события, происходившие буквально вчера. В основном это не особенно мешало, но бывали случаи... Как сегодня, например. Если он не вспомнит, что было в контракте, то не видать ему оплаты, как своих ушей. И чувствовать себя заказчик может вполне спокойно – Лохлан все равно не сможет найти того, о ком ничего не помнил.

– Нет, не ходил еще.

– Пойдешь?

Элиот что-то стремительно рисовал пальцем, формируя неровные линии из пролившихся на стол капель виски. Его лицо было опущено вниз, а глаза, пытливые и какие-то недобрые, исподлобья смотрели на Лохлана.

– Пойду.

– Ну так пойдем, – пропыхтел Каннингем, поднимаясь.

Сзади раздался голос бармена, предлагающий убраться,

если больше ничего не собираются заказывать. Лохлан запоздало понял, что обращается тот к ним. Потому Элиот и засуетился.

Флетт порылся в кармане брюк, вытащил несколько скомканных бумажных евродинов и, бросив их на оставленные Элиотом деньги, поспешил следом за ним.

– Тебе зачем на «Callboard»? – спросил Лохлан, когда они вышли из паба.

Погода стояла омерзительная – уже третий или четвертый день кряду в воздухе висел крупный туман, проникающий во все щели в одежде, от него не было спасения. Спустя полчаса пребывания на улице одежда промокала насквозь, вплоть до белья. И туман этот был какой-то липкий, словно состоял не из воды, а из киселя или клея. Лохлан вспомнил, что частицы тумана имеют обыкновение накапливать в себе всяческую дрянь, тут же в памяти всплыли сведения о количестве атомных электростанций на территории Британского халифата, давших течь. Ненужная, в сущности, информация, лишняя и даже отвлекающая. Все равно ведь ничего с этими изотопами сделать, кроме как вдыхать, медленно убивая организм, Лохлан не мог. Но о радиации он помнил, а о вчерашней сделке – нет. Странно. И самое странное, что Флетт не мог сказать, когда это с ним началось, когда память начала подводить.

– Работу искать, – Каннингем посмотрел на Лохлана с удивлением. Он вытащил руку из кармана – показался намо-

танный на ладонь красный шнурок, на конце которого что-то болталось. Элиот машинально погладил это, потом сбросил шнурок с пальцев и спрятал в карман.

Ну да, странный вопрос. Что же еще делать на «Callboard»? Разумеется, искать работу.

В какой-то мере спонтанно возникший «Callboard» заменял привычную сеть. Электричества не было – «балалайки» не фурычили. Точнее, сами чипы функционировали, но подключаться им было не к чему: сеть если где и работала, то в подавляющем большинстве мест вход в нее был открыт только для своих. Безы пытались уберечь информационные системы от перегрузки и, главное, от несанкционированного вторжения. Та сеть, что осталась в нынешнем умирающем мире, недоеденном «падальщиками мироздания», как сказал Элиот, была слишком слабой и неустойчивой, чтобы позволить тритонам разрушать ее основы. Сеть работала в Даун Тауне, частично в Thunderhall и Университете, но пускали в нее только зарегистрированных пользователей, получивших допуск СБА – Службы Безопасности Анклава. Сеть, так же, как весь мир, теперь напоминала смертельно раненного коня, которого, вместо того чтобы добить и избавить от мучений, пытались перевязать и смазать йодом, тревожа переломанные кости и срывая успевшую запечься на ранах кровь.

А «Callboard» – «Доска объявлений» – по сути, был именно тем, чем назывался. Территорию выбрали нейтральную и доступную всем. Во всяком случае, пока доступную – пло-

щадь перед Замок, самое сердце Анклава, практически у подножия «Солнечной иглы», штаб-квартиры Эдинбургского отделения СБА. Правда, недостаток энергообеспечения заставил безов перебраться на нижние этажи полуторакилометровой башни, а все основные службы перенести в Замок, закрыв его для посетителей. Как бы то ни было, такой статьи дохода Анклава, как «туризм», больше не существовало.

Лохлан мучительно вспоминал, что же он сам хотел сделать на «Callboard». Посмотреть, нет ли продолжения вчерашнего контракта – это он помнил. Но отчего-то это дело не казалось столь уже важным. Что-то еще он должен узнать на Доске объявлений.

С Лейт-стрит – широкой и прямой улицы – открывался отличный вид на Даун Таун. После Катастрофы мобили не ездили, и можно было идти прямо по проезжей части, не взбираясь на пешеходные уровни. Над головой серым, размытым туманом пятном маячил потолок второго уровня. Налево от бетонной ленты, нависая над колонной адмирала Нельсона, ответвлялся спуск на основную магистраль Университета. Выше шел третий уровень, с которого раньше можно было попасть в некоторые из высотных зданий Даун Тауна, а теперь часть этих воздушных дорог рухнула сама по себе, другие, с разрешения властей, разрушили хозяева высоток. Оно и понятно – систем контроля посетителей больше не существовало, выше пятнадцатого, максимум – двадцатого этажа никто не поднимался, и дороги третьего уровня стали от-

личной лазейкой для грабителей и просто бродяг, устраивавших на опустевших уровнях небоскребов целые поселения. Лохлан вспомнил, как в прошлом году один из корпоративных центров дымился несколько дней, пока пожарным, наконец, не удалось локализовать огонь, выпущенный на свободу новыми обитателями высотки. После того случая власти и разрешили разрушить высотные трассы.

Сзади, почти потерявшись в тумане, осталась рухнувшая опора, упустившая северную часть второго и третьего уровней вниз. В самом Лейте большая часть Лейт-стрит имела только один уровень, да и тот был засыпан осколками разрушенной верхней дороги.

Справа, на Роуз, возвышался, быстро исчезая в низких тучах, «Великан» – самый большой отель Анклава, а прямо по курсу Лейт-стрит ныряла под основание «Солнечной иглы». Вход в подземелья СБА был закрыт: метрах в ста от «Иглы» широкую улицу перегораживали массивные бетонные блоки, по сторонам от которых в бронированных донжонах сидели безы. Из широких бойниц, позволяющих повернуть оружие в любую сторону, торчали толстые стволы «ревунов».

На входе в Даун Таун предстояло пройти проверку – два унылых беза пропускали небольшую очередь через сканер. Наноскоп сегодня был выключен – то ли экономят, то ли очередные проблемы с сетью. Лохлан и Элиот послушно подставили затылки и закатали рукава, безы молча, без лишних

движений, просканировали «балалайки» с «таблетками» и открыли проход. Двое бродяг опасности для СБА и корпоративных территорий не представляли.

– Перемещения ограничены, – сообщил один из безов, – только периметр Замка.

Оба послушно кивнули.

Мир вертится по воле верхолазов – так думали сами верхолазы, пока планета не вздрогнула. В Эдинбурге они думают так и сейчас. Даун Таун, Университет и Thunderhall охраняются со всей возможной тщательностью. Отследить каждого, входящего на корпоративные территории, теперь стало невозможно – во-первых, сеть работала не везде даже в местах обитания верхолазов, а во-вторых – пускали в нее не всех. Сеть тоже стала одной из корпоративных территорий. Так что о том, чтобы проследить за подозрительным типом по откликам его «балалайки» и по информации, снятой с уличных камер наблюдения, не могло быть и речи – мощностей у машинистов СБА заметно поубавилось. И уверенности в себе – тоже.

О прогулке по корпоративным территориям можно забыть. И раньше свобода передвижений в Анклаве была лишь фикцией, умело состряпанной видимостью, а теперь никто не пытался поддерживать даже видимость. Это раздражало. Нет, это вызывало понимание, никуда не денешься, по-другому теперь обеспечить хотя бы подобие безопасности было невозможно, но все равно раздражало.

Перед «Великаном» тянулся длинный ряд старых домов, накрытых многоуровневыми развязками. На первом этаже одного из них, немного покосившись и, разумеется, никакого неона, висела вывеска, возвещающая, что здесь располагается лавка «Книги от Брукхайма». Конечно же, книжной лавки, которую правильней было бы назвать антикварной, здесь давно не было – в большую часть старых зданий в Даун Тауне переселились из небоскребов те или иные конторы, входящие в структуру управления Анклавом. Да и кому сейчас могло прийти в голову отправиться за книгами?

Вот оно! Лохлан вспомнил, все вспомнил – и что было вчера, и что он хотел сделать на «Callboard». Книга! Та маленькая бумажная книга с напечатанными буквами, что складывались в непонятные слова. Он спрятал ее в Лейте, недалеко от Пустыря, где и нашел. Сейчас он даже мог вспомнить место, но память стала слишком ненадежной, чтобы доверять ей, – Лохлан собирался оставить на Доске объявлений сообщение о продаже книги. А потом нужно пополнить записи на полях того потрепанного листка, что лежал у него в правом кармане куртки. Чтобы не забыть.

Эпоха «балалаек» и незарегистрированных коммуникаторов осталась в прошлом. Жаль – электронная система была удобнее и надежнее. Теперь порыв ветра или какой-нибудь нерадивый пацан запросто могли сорвать оставленное сообщение, поэтому приходилось дублировать одно и то же несколько раз. Можно воспользоваться услугами платных

дилеров, которые размещали объявления на электронных планшетах. Лохлан не знал, где они заряжают свои гаджеты, да и это не было ему интересно – все равно услуги информационных дилеров слишком дороги для него.

На «Callboard», как обычно, толпилось много народу. Даже ночью здесь были люди – площадь прилегала к Замку, в котором теперь разместился местный отряд СБА, и, несмотря на экономию, «Callboard» освещался тусклым светом ламп.

– Ты куда? – спросил Элиот, когда впереди показался подъем, ведущий к Центральной площади.

– Пойду осмотрюсь, – уклончиво ответил Лохлан.

«Callboard» порождал собственные правила – интересоваться причиной посещения Доски объявлений считалось дурным тоном, а попытка следить за действиями другого – как минимум личным оскорблением, как максимум – поводом для применения оружия. Безы охраняли «Callboard», делали вид, что охраняли, но никогда не защищали тех, кто нарушил право на приватность сообщения. На самом деле безы, Лохлан был в этом уверен, сами по большей части вынюхивали и присматривались – безопасность Анклава превыше всего. Безопасность верхолазов и СБА.

– Ладно, тогда до встречи в «Приюте друида», – Каннингем махнул рукой на прощание и исчез в толпе, которая становилась плотнее с каждым шагом к изогнутой дугой по периметру площади «Доске объявлений».

– До встречи.

У входа на площадь стояло несколько навесов, под которыми разместились те, кто зарабатывал на информационном бизнесе. Системные администраторы нынешней сети – аренда письменных принадлежностей, для более «состоятельных» – распечатка объявлений, электронные планшеты, некоторые даже имели что-то вроде собственной сети с общей базой данных на несколько точек. Все, что могло сгодиться в столь странном способе обмена информацией, искать нужные сообщения и предлагать свои услуги.

Лохлан думал, в каком виде лучше оставить объявление. Рукописный вариант надежней – никто посторонний не прочтет его, когда будет набирать и распечатывать на компьютере. Но, с другой стороны, автора можно вычислить по почерку.

Немного поразмыслив, Флетт пришел к выводу, что написанное от руки объявление все же предпочтительнее: оно меньше бросается в глаза, поскольку рукописные каракули сложнее прочесть, чем четкий, распечатанный на принтере текст. Да и поиски по почерку требуют траты ценной электроэнергии, компьютеров и времени, поэтому абы что проверять не будут.

Лохлан купил чистый лист и взял в аренду маркер, прикрепленный к металлической стойке навеса довольно толстой цепочкой. Цепочка тянула и мешала писать, но без нее хозяин канцелярских принадлежностей давно бы уже ли-

шился своего инвентаря.

Немного подумав, Флетт аккуратно вывел на листе: «Продается книга. Бумажная. С Пустыря». Собственно, большего о книге он сообщить и не мог. Ничего, этого вполне достаточно, тот, кого может заинтересовать эта вещь, поймет, о чем идет речь. Далее Лохлан приписал длинный список, состоявший из букв и цифр – секции Доски объявлений, на которые покупателям нужно вывешивать свои предложения. Он намеренно указал несколько секций в разных концах «Доски», чтобы его сложнее было выследить.

Лохлан аккуратно разорвал лист на несколько небольших клочков и повторил текст на каждом из них. Потом спрятал листки в карман, вернул маркер хозяину и отправился к той части «Callboard», где размещалось все, что можно отнести к рубрике «Продаю».

Протискиваясь между людьми, Лохлан думал о том, что перед глазами мелькнуло что-то знакомое. Он видел такое совсем недавно и пытался вспомнить, что это. И тут его осенило – почерк! Его собственный почерк.

Тот текст, что был написан корявыми прыгающими буквами на полях влажного листка, который до сих пор лежал в кармане куртки, был написан им самим. Лохлан остановился, тут же получив тираду ругательств от воткнувшегося в него мужчины, и достал оба объявления. Чистое и четкое, которое он написал только что, и измятое, посеревшее, с начавшими расползаться по влажной бумаге надписями – вче-

рашнее. Да, одна из надписей на полях определенно была написана его почерком. «bul godmo nut meequil six sabas», – значилось там. Или что-то очень похожее – Флетт не был уверен в правильности прочтения некоторых букв. Странная, не имеющая никакого смысла фраза. Когда он ее написал, и что бы это могло означать? Лохлан не знал. Он вспомнил, что нечто похожее было в той книге, которую он намеревался продать. Которая лежала...

Да, именно лежала, была надежно спрятана. Эта исковерканная фраза совершенно точно указывала на место расположения тайника. Вот только вспомнит ли он, что это означает, через пару дней? Скорее всего – да. Странные шутки играла с ним память – он плохо помнил о том, что всего сутки назад нашел какую-то книгу, но совершенно точно мог назвать номер страницы, строку и место в строке, где была напечатана эта фраза в самой книге. Именно эти цифры и складывались в код, словно перстом указывающий на место, где хранился фолиант.

Лохлан прикрепил к «Доске» листки с объявлением, оставив один себе – чтобы не забыть о книге. Теперь предстояло просмотреть ту часть, где предлагалась работа. Специфическая работа, которую привык выполнять Лохлан.

Али Арчер усиленно тер виски, на которых с каждым днем прибавлялось седины, инеем разбавлявшей черные как смоль волосы. Хотелось хоть как-то разогнать сонливость. С шести утра на ногах, а перспектив разгрести сегодняшнюю кучу пока не видно. Стимуляторы имелись в запасе, но это на особый случай – по поводу простой житейской усталости тратить ценные препараты не полагалось. Только никакого просвета в этой житейской усталости не видно. Работы с каждым днем все больше, а результата... Какой может быть результат в разваливающемся на куски мире? Все равно что пытаться укрепить с помощью гвоздей приближающийся к экватору айсберг.

Аналитический отдел СБА. Трудолюбивые муравьи повседневности. Они тут всегда такие были – пыхтели в офисе, не поднимая головы, а слава доставалась оперативникам, обезвредившим особо опасных и устрашающе вооруженных типов, перехватившим крупную партию или вытащившим кого-нибудь из лап похитителей. Много бы они понавытаскивали без аналитического отдела. Даже в какую сторону направить свои «дыроделы», не знали бы.

Нет, Али не жаловался, ему нравилась его работа. Он был настоящим гением системного анализа. Ну, может быть, не гением, но как минимум – талантом. Одна беда – после все-

мирной катастрофы работы не стало меньше, но выполнять ее теперь не в пример сложнее. Арчеру не нравилось то, чему приходится отдавать девять десятых рабочего времени: разгребанию принесенных уличными осведомителями записок, описаний, объявлений, догадок и прочей сложно алгоритмируемой информации. Он – мозг, разум, способный находить взаимосвязи и связывать совершенно разрозненные факты воедино. А приходилось часами разбирать какие-то грязные обрывки, вручную сравнивать факты, выбирать похожие почерки и сканировать все, что казалось подозрительным. На системный анализ времени почти не оставалось. Что тогда от него хочет руководство?! В таких условиях совершенно невозможно работать!

Сегодняшних данных с уличных камер хватило только на то, чтобы вычислить пацана, стащившего колбасу с витрины уважаемого супермаркета в Даун Тауне. Ложный след, промашки всегда случаются.

А вот в бумагах есть нечто поинтересней: «Продается книга. Бумажная. С Пустыря». Книга храмовников? Как-то сомнительно – никто никогда не видел ни одной книги, выпущенной Храмом Истинной Эволюции. Ни электронной, ни бумажной. Но, в любом случае, бумажная книга сама по себе ценность. Тем более если она на самом деле с Пустыря – коль скоро ее читали храмовники, значит, в ней есть что-то... необычное.

Но какое это может иметь отношение к безопасности Ан-

клава? А какое отношение эта книга имеет к благосостоянию самого Али?

Арчер выглянул в окно. Офис аналитического отдела переселили с семьдесят шестого этажа на четвертый. Наверху теперь жизни нет, только ветер гуляет по опустевшим коридорам, да монтажники время от времени налаживают очередную ветряк. Сейчас с них толку – полное безветрие, туман висит над Анклавом, как приклеенный. И все в этом мерзком исландском пепле. Арчер несколько раз был наверху – ходили забирать оборудование. Каждый раз собирались, словно в поход в Альпы. Выше пятидесятого этажа было холодно: многие стекла лопнули во время толчков, а за торчащими в рамках осколками чинно мелькали лопасти ветряков. В офисах царил беспорядок, и все было покрыто темной, почти черной пылью. Али опасался, что кроме пепла здесь есть и радиоактивная пыль с юга. Скорее всего так оно и было, но о средствах защиты никто не беспокоился.

Насосы работают еле-еле, и то непостоянно. Добрую сотню лет казавшиеся частью ландшафта небоскребы в одночасье превратились в настоящее издевательство над воздвигнувшими их людьми – попробуйте добраться на двухсотый этаж без лифта. И даже если вы вдруг окажетесь чемпионом в беге по бесконечной пожарной лестнице – что вы станете делать в офисе на том самом двухсотом, когда припрет сгонять в туалет? Без воды, которая туда, на двухсотый, без насосов ну никак не поднимется? Вот то-то и оно.

Когда трясло весь мир, в Эдинбурге толчки были несильные, четыре-пять баллов, не больше. Легкое землетрясение. Ага – особенно на семьдесят шестом, который раскачивало, как травинку во время урагана. Арчер представил, как было парням из административной верхушки, что обитали на двухсотом. Хотя какое ему дело до тех парней?

Дело ему было прежде всего до себя самого. Анклав умирал, и весь остальной мир – тоже. Арчер это мог оценить с достаточной степенью достоверности – просмотр мировых новостей в Даун Тауне не был такой уж проблемой, особенно если ты работаешь в СБА и имеешь полную аккредитацию на доступ в сеть Анклава.

Если честно пытаешься бороться с преступностью, лучший вариант, когда знаешь, что эта самая преступность предпримет в следующий момент. Системный анализ в этом очень помогал. Еще лучше помогали личные связи – Али получал регулярную дань от одной банды в Punkground, делая им поблажки. Начальник отдела был в доле и сам наверняка с кем-то там тоже делился. Так что преступность была под контролем – начальство закрывало глаза на побочные доходы сотрудников, которых само не могло обеспечить всем необходимым. А прирученный бандит лучше бандита дикого, он не станет лезть на рожон, ему совершенно не хочется потерять покровителей из «Иглы». Так что – каждый крутился, как мог. И Арчер не был исключением. Особенно если учесть, что дома его ждала Лейла – его девочка, ма-

ленькое беззащитное создание, которой приходилось каждый день оставаться одной с глубоко больной теткой и парализованным отцом Али.

Али вертел в руке объявление, снятое кем-то с «Доски объявлений». Может ли эта книга оказаться полезной? Бизнесу, который работал под прикрытием аналитика, это никак пригодиться не могло. Но не стоит ли заняться чем-то новым? Эмир соседней Шотландии, возможно, дорого бы дал за этот фолиант. Отчего бы не расширить, так сказать, ассортимент поставляемой в эмират продукции?

Одна беда – самостоятельно с этим не справиться, как минимум осведомители уже в курсе, и вся поступающая информация подлежит регистрации. Конечно, в неразберихе выросшей на несколько порядков бумажной канцелярии пропускались десятки документов, и порой довольно важных. Но где гарантия?

И потом, о покупке книги речи не идет – продавец однозначно запросит очень высокую цену. Здесь нужен более тонкий подход.

Вздыхнув, Арчер отложил объявление о продаже в сторону – вполне можно подумать до завтра. Все-таки основная цель аналитического отдела – это предотвращение общественных беспорядков в Анклаве, попросту говоря – бунтов.

В кармане зазвонил коммуникатор. Незарегистрированный. Говорят, на черном рынке их можно купить и сейчас. Али не интересовался, но по всем признакам цены на подоб-

ный товар должны были сильно упасть – в условиях почти полного отсутствия сети это все равно что предлагать африканским туземцам шубы из натурального меха. У Арчера игрушка осталась с прежних времен. Тогда у него долго не хватало духу им воспользоваться. А сейчас... Сейчас просто не было другого выхода. Али улыбнулся, вспомнив Лейлу – свою десятилетнюю красавицу. Она должна пережить этот кошмар, она обязательно его переживет.

– Слушаю, – сухо сказал он, включив коммуникатор.

– У нас все готово, – так же без приветствия прозвучал оттуда голос. Видео тот, кто звонил, не включил. Это было сделано не столько из соображений конфиденциальности, сколько из экономии и так ограниченного трафика сети – чем больше данных передается, тем скорее соединение привлечет внимание.

– Хорошо, запускайте.

– Но мы не можем!

Арчер скривился. Ему надоело ныть и постоянные требования, которые все чаще предъявлял этот проходимец. Он получил протекцию СБА, он получил на блюде своих пытающихся поднять нос конкурентов, он получил ресурсы. Что еще ему нужно?

– Что еще?

– Нас отрезали, мы не можем работать без электричества.

Арчер вздохнул. Ну где он им, скажите на милость, возьмет электричество?

– Хорошо, – ответил он, – я что-нибудь придумаю. Что по моему вопросу?

– Все нормально, – заверил Арчера собеседник. – Никто пасть не открывает.

– До связи, – сказал Арчер и дал отбой.

Нормально у них все! А вот системный анализ говорит, что не так уж и нормально. Обстановка в Punkground напряженная. Хотя она там всегда была напряженной.

По сведениям, поступавшим от осведомителей, установившееся относительное равновесие в Punkground грозило скоро закончиться. Уже второй год жители района, привыкшие к нищете, справлялись самостоятельно, совершая набеги на быстро выросшие в Британском халифате вокруг Анклава фермы. Окрестные фермеры, не готовые к стычкам с хорошо организованными бандами Punkground, были вынуждены уступить. Тех бандитов, что не знали меры – убивали фермеров и уничтожали их хозяйства, – давно поставили на место свои же. Место это, как правило, располагалось на дне Ферг-оф-Форта. В СБА тщательно следили за сохранением status quo, да и далеко не все бандиты были дураками.

Так было год назад. Но сейчас ситуация начала меняться: фермеры, измученные данью, которой обложила их эдинбургская «крыша», вели себя по-разному. Те, кто был послабее, бросали хозяйства и уходили в глубь халифата на поиски лучшей жизни. На их место приходили другие. Нормальный естественный отбор, не лучшим образом отражавшийся

на ситуации в Анклаве, – фермеры сбивались в стаи и вытесняли банды со своих территорий.

Пока в Punkground относительно спокойно. Но все ближе время, когда придется решать вопрос с продовольствием, или бунта в самом беспокойном районе Эдинбурга не избежать.

Punkground всегда был неподконтрольной территорией Анклава. Даже до катастрофы на Станции безы без лишней надобности не заглядывали туда. Однако отсутствие контроля делало Punkground наиболее привлекательным районом для преступного бизнеса. Но обилие нечистой на руку публики и не самый интеллектуально развитый контингент привели к тому, что на этой территории не было ни одной реально сильной и влиятельной банды – власть как таковая никому не принадлежала. А это само по себе было неудобно: безвластие – первая причина беспорядков.

Но во всем есть свои плюсы – и в отсутствие сильной власти в Punkground, и в службе в СБА. К Арчеру стекалось много самой разнообразной информации, ему было, из чего выбирать. И он сделал ставку на одну молодую банду, проявлявшую интерес, как показалось аналитику, к более разумной политике. Прежде всего его подопечным хватило ума не связываться в совершенно бесперспективную сегодня торговлю «синдином».

«Синдин», как и остальные синтетические наркотики, традиционно продолжал считаться элитным направлением

преступного бизнеса. Но сегодня «синдин» не пользовался особым спросом – сеть настолько фрагментирована, что три-тонам просто физически нечего ломать, а простые наркоманы в большинстве своем превратились в нежизнеспособное отребье, их могло вынести только относительно благополучное общество, каким были Анклавы и крупные государства до аварии на Станции. Да и цена на наркотики взлетела выше всяких мыслимых пределов – слишком накладным стало их производство.

Али видел перспективы. Неплохие дивиденды приносил и бизнес, в котором аналитик подвизался еще до Катастрофы. В этом аспекте смущали только китайцы, прочно занявшие место предыдущей «крыши». Но сеть, хотя и не расширялась последнее время, была тем местом, куда стоило вкладывать. Арчер знал точно: машинисты, занявшие два из оставшихся рабочих этажей «Солнечной иглы», работали круглосуточно, основание готовилось солидное, вопрос больше был за начальством, которое никак не решалось дать команду на запуск. А «синдин», с легкой руки Сорок Два, стал неотъемлемой частью сети. Но эти перспективы были ох как далеки, а жизнь продолжалась, она не хотела притормозить, подождав, когда наступит светлое завтра.

Все головорезы из банды со странным названием Джи45 были молодыми и наглыми. Самому старшему едва исполнилось двадцать пять, и Али, с высоты своих тридцати четырех лет и опыта аналитической работы, смотрел на них с лег-

кой усмешкой и превосходством. Это не нравилось главарю Джи45, он повизгивал и распускал перья, как петушок-под-росток перед спокойным и полным уверенности в себе матерым петухом. Этот Халиль, хоть и выглядел дурачком, прекрасно понимал, к чему клонит тощий тип, показавший пару распечаток и подробно объяснивший, как это сложить и чем подобное сложение грозит для Джи45. И еще он вполне догадывался, откуда этот тощий тип прибыл.

Конечно, личный визит в Punkground был авантюрой – Али могли пристрелить или зарезать в два счета, никто бы и не взглянул на жетон СБА. Но он рискнул и выиграл. Во всяком случае, пока все шло по его плану.

Для того чтобы стать хозяином банды, оказалось вполне достаточно всего лишь не складывать два и два, тем самым оставив банду Джи45 в живых в полном составе. Конечно, ребятам пришлось бросить ту ерунду, на которой они едва не попались, но в итоге теперь все довольны. Арчер никогда не шел наобум, он проверил все, что имелось в его архивах на Джи45, и пришел к выводу, что у ее главаря хватит мозгов не лезть на рожон.

Бизнес, которым предложил заниматься Али, был затра-тен, опасен, но прибылен. В грузовой порт, в его условно восстановленную часть, которая располагалась на границе между Punkground и Лейтом, иногда приходили танкеры с нефтью. Порт охранялся силами СБА, хорошо охранялся – дороже нефти сейчас, наверное, ничего не было. Но в этом

проекте имелось слишком много дыр, чтобы туда не мог попасть никто посторонний. Тем более если знать, где расположен черный ход, а где в заборе отходит доска.

Контроль сети за отгрузкой нефти велся, но постоянные сбои путали карты лучше, чем с этим могли бы справиться тритоны. Охрана – такие же люди, как сам Али, со своими проблемами и интересами. Кроме того, они были «свои». В общем, брешь в охране Арчер нашел довольно быстро, за пару недель. Система отгрузки нефти вообще не выдерживала никакой критики – по сути, ее спешно собрали из того, что подвернулось под руку, когда стало ясно, что без поставок нефти Анклав долго не протянет. Почти все портовое оборудование снесло пронесшимся по северному морю цунами, и даже Ферт-оф-Форт не смог спасти порт от разрушения.

В итоге общими усилиями система отгрузки приобрела дополнительную трубу, по которой часть нефти можно было отливать «налево» (Али подозревал, что подобная труба далеко не одна). Создать рукотворный «сбой» в сети было делом не самой сложной на сегодня техники.

На территории Джи45 организовали небольшой перегонный завод – топливо не самого высшего качества, но цену братва просила вполне конкурентоспособную. Но вот с электричеством была проблема. Включить ветку, хотя бы на время, идущую в тот район Punkground, возможно, но для этого требовались веские причины, придумать которые у Али как раз и не получалось.

Цистерна, под завязку заполненная черным золотом, хоть и спрятанная под землей, была слишком явной уликой. Тянуть нельзя, не один Арчер здесь умный, охотников быть в доле или просто выслужиться перед начальством найдется вдоволь. А с электричеством не получалось никак.

Был один вариант. Временный. Али снова включил незарегистрированный коммуникатор и набрал знакомый номер «балалайки». Ничего страшного, шифрования «в один конец» вполне достаточно.

– Это Стрелок, – представился он.

– Привет, Стрелок, – поздоровался с ним мужской голос. – У нас все прошло по плану.

– Я в курсе.

Машинист, сидевший двумя этажами ниже, не был знаком с Арчером лично. Он получал свою долю, и этого достаточно.

– Нам нужно электроснабжение, – кратко обрисовал ситуацию Али.

– Район?

– Грантон. – Скверно, очень скверно. Теперь игрок по имени Молли знает, где спрятано подпольное производство. Но другого выхода не было.

– Линия?

Разумеется, подключить питание на отдельно взятой линии проще, чем на целый район. Но раскрывать карты до такой степени Арчер не собирался – при подобной инфор-

мированности подрядчиков поиски базы Джи45 сведутся к прочесыванию пары десятков кварталов.

– Какая линия? – Али сделал вид, что ему неизвестна система распределения энергии.

В ответ тихий смехок. Ну конечно, Молли сомневается, не того полета птица его подельник Стрелок, чтобы не понимать, о какой линии идет разговор. Арчер молчал.

– Значит, Грантон, – медленно, растягивая слова, констатировал Молли. – Один и три от предыдущей посылки.

Это была цена. Высокая, почти нереальная. Только отступить Арчеру теперь некуда, и Молли это прекрасно понимает.

– Идет, – Али постарался придать голосу уверенность.

Повисла тишина. Арчер знал, чем занят машинист. Догадывался – ищет дыру в программном обеспечении, чтобы состряпать сбой, не вызывающий подозрений. У них там всеходы на неделю вперед расписаны.

– Через две недели, среда, в два тридцать четыре после полудня. Подсчет расхода, поиск утечки, перезагрузка системы... у вас будет время до семи вечера. В лучшем случае – до полвосьмого. И не забудь о посылке.

Молли был готов дать информацию до оплаты – Арчер у него на крючке: в любой момент законопослушный и преданный делу СБА машинист мог «раскрыть» незаконную сделку. Али, возможно, в этом случае ничего не грозило, но бизнесу пришел бы конец. Нет никакой гарантии, что, получив

деньги, Молли не сделает то же самое. Но риск, как известно, дело благородное.

Арчер оторвал от уха коммуникатор, подключил вторую линию и перевел деньги со своего счета из прошлой жизни. К счастью, не все офшорные зоны упокоились на дне океана – Арчеру повезло с выбором банка.

– Сделано, – сообщил он подельнику.

– Вижу, – ответил Молли и дал отбой.

Необходимости проверять счет не было – Арчер знал сумму наизусть. Еще осталось, но, черт возьми, очень мало! Скоро должна пройти поставка для эмира, но ведь это сущие крохи. И еще эти узкоглазые. Этого никак не хватит, он рассчитывал совсем на другую сумму. Кроме того, необходимо отстегнуть «процент» руководству. Отчетность липовая, готова давно. Но не стоит раздражать начальство – сумма тоже немаленькая.

Значит, все-таки книгой придется поинтересоваться. Вариант достаточно надежный, не требующий особых вложений. Если, конечно, продавец на самом деле так прост, как можно предположить из имеющихся данных. И не стоит забывать, что сама книга может оказаться пустышкой. Но если нет – он, Али Арчер, найдет способ ее пристроить с наибольшей выгодой.

Деньги значили в этой жизни все меньше. Грязная бумага, бездушные биты информации, замершие в сохранившихся носителях, – мифы старого мира. Тот ад, в который стреми-

тельно погружался мир в течение последнего года, расставил все по своим местам. Жизнь – вот главная ценность. Только далеко не все это поняли до сих пор. Что ж, есть еще время воспользоваться непонятливостью отдельных индивидов. А потом отправиться туда...

Арчер точно не знал, куда теперь можно отправиться. Но он был аналитиком, он работал в СБА, он умел сложить два и два. То, что выход из преисподней, получившей имя Земля, есть, он знал наверняка.

Али спрятал незарегистрированный коммуникатор и с «балалайки» позвонил коллеге. В следующем разговоре он не планировал говорить ничего криминального.

– Бэрд, у меня есть интересная информация, – сказал Арчер, не здороваясь. – Не хочешь зайти?

Юго-западная территория Эдинбурга, имеющая треугольную форму, упиралась вершиной в Даун Таун, а основанием лежала на мощной бетонной стене, окольцовывающей Анклав, и носила имя официальное Оксганс. Более известен этот район был под названием Скотланд-Ярд. Правда, к штаб-квартире Британского отделения Европола территория не имела ни малейшего отношения. Нетрудно догадаться, что подобное прозвище Оксганс получил из-за этнической группы, составляющей большинство жителей района. То есть – шотландцев. Как ни странно, но сами шотландцы предпочитали называть территорию Оксганс – именем, которое носил когда-то давно, в бытность столицей Шотландии, район старого Эдинбурга.

Скотланд-Ярд никогда не был территорией респектабельной, но это смотря с чем сравнивать – Punkground не зря носил не самое лицепрятное название, да и Лейт был местом куда более беспокойным.

В качестве главного офиса Бойд использовал старый торговый центр «Роял Скотс» – большое подковообразное здание, восемь этажей вверх и четыре под землю. По периметру, под широким стеклянным потолком, террасами спускающимся сверху вниз, до Катастрофы располагались сотни разнокалиберных бутиков и магазинчиков. По внешнему пери-

метру – подороже, по внутреннему – более дешевые. Внутри, в центре подковы, все этажи занимала большая прямоугольная площадка, что-то вроде сцены, на которой в былые годы проводились разнообразные концерты и шоу. По сторонам от развлекательного комплекса тянулись этажи лишенных окон супермаркетов, рассчитанных на широкие слои населения. В целом здесь, в трехстах метрах от границы Анклава, размещать бутики, торгующие элитными брендами, никогда не было рентабельным бизнесом, в «Роял Скотс» приходили люди простые, в большинстве своем – жители Скотланд-Ярда.

Сегодня торговый центр утратил красоту и блеск. Не из-за устаревшего дизайна, просто слишком много стекол было разбито, а те, что остались, давно никто не мыл. На верхних этажах здания, лишенного электроснабжения, гулял промозглый ветер, медленно уничтожая то, что осталось от разграбленных полок и торговых залов. На первом и подземных этажах и сегодня велась торговля, но это уже скорее напоминало средневековый рынок, чем современный торговый центр. Хотя современный – как раз напоминало, но это не могло иметь ничего общего с торговым центром исчезнувшего год назад мира.

На нижних этажах жили люди. У некоторых из них были свои квартиры, но в Скотланд-Ярде большинство жилых домов насчитывали до тридцати этажей, а в условиях отсутствия простых и привычных благ цивилизации, которые,

казалось, давно стали вещью само собой разумеющейся – электричества и водопровода, – жить выше десятого этажа было совершенно невозможно. Все сопутствующие удовольствия подобного общежития присутствовали в полной мере – грязь, вонь, ругань, воровство.

Но все равно, «Роял Скотс» считался местом надежным. Из-за Бойда.

Аласдер МакДональд предпочитал более громкое имя, которое носили представители самого могущественного и уважаемого клана старинной Шотландии – Бойд. Он неоднократно упоминал, что и сам имеет прямое отношение к лордам Килмарнока, но так ли это было на самом деле, никто не знал. Тем более что большинство из его окружения и слова-то такого – «Килмарнок» – никогда раньше не слышали. Но Бойда – или, как его еще называли, Шотландца – в Скотланд-Ярде знали все, а при упоминании Аласдера МакДональда многие пожали бы плечами.

Бывшая концертная площадка – пространство тридцать на сорок и тридцать пять метров вверх, увенчанное стеклянным сводом, – была заставлена оборудованием, столами, какими-то лежанками и обычной домашней утварью. Части стекол в крыше не хватало, но дыры аккуратно закрыли пластиковыми заплатками. На возвышающейся с южной стороны площадки сцене, тоже заставленной какими-то тюками, досками и черт знает еще чем, растянутый в деревянной ра-

ме, висел немного поблекший тартан¹ древнего шотландского клана. Бойд выбирался отсюда редко, здесь он жил и работал. Сзади, за сценой, то и дело гремел дизель, поглощая драгоценную солярку. Агрегат запускали, когда Бойду требовалось электричество, а такое случалось часто. Средств не жалели – деньги, как известно, липнут к деньгам.

Сегодняшний день не был исключением.

– Давай, Лиса, родная, давай! – орал Бойд в ухо задумчивому существу довольно сублимного телосложения.

Вид парочка имела карикатурный: огромный, словно медведь, с густой копной светлых, торчащих во все стороны волос, Бойд мял мясистыми красными ладонями тощие плечи бритого наголо создания, с пробивающейся рыжей щетиной, остроносого, большеглазого и совершенно непохожего на шотландца. Несмотря на объятия, назвать действия Бойда сексуальными или интимными никак было нельзя.

О том, что перед Шотландцем сидела девушка, предположить было можно только по хрупкому телосложению, во всем остальном Лиса имела вид универсальный – бритая наголо голова, мешковатые темные брюки, большие темно-коричневые ботинки и куртка со множеством карманов, в материале которой опытный глаз легко распознал бы кевлайк-ру.

¹ **Тартан** – орнамент, состоящий из пересекающихся горизонтальных и вертикальных цветных полос, символизирует определенный шотландский клан или же район, где проживает большинство его представителей. Также тартаном называют шерстяную ткань с соответствующим рисунком.

К «балалайке» Лисы тянулся тонкий проводок психопривода. Лысая голова девушки ритмично вздрагивала в такт движениям рук Бойда, но лицо оставалось бесстрастным, а глаза внимательно следили за происходящим на экране открытого «раллера». Лиса «давала», она была в мире Цифры, все остальное в данный момент ее не интересовало.

– Ну, ну? – Бойду не терпелось, он спешил.

Операция готова, люди на местах, каждый знает, что делать. Осталось последнее слово, которое должна сказать Лиса – поддержка в сети должна стать главным козырем.

Современный мир утратил былую зависимость от сети, «балалайки» сделались не более чем сувенирами, торчащими в затылках, анахронизмом, подобным наручным часам швейцарского производства – для того чтобы узнать точное время, всего полтора года назад эти побрякушки были не нужны совершенно. «Балалайки» не работали, сеть вещалась только на корпоративных территориях, которые безы защищали, словно последний оплот устоев своего мира. Да так, в сущности, и было – только синтетическая пища, производящаяся на двух продолжающих работать заводах в Thunderhall, позволяла верхолазам и СБА диктовать свои условия. Если и эти фабрики остановятся, Анклав вымрет в течение нескольких месяцев.

Обычные люди не понимали всех хитросплетений и интриг, которые вели политики. Они понимали простые вещи – бесплатный паек трижды в неделю и пригодная для питья

вода за доступные, чисто символические деньги. Конечно, смутьянов, считающих, что их безбожно обирают, намеренно остановив процесс на остальных пищевых фабриках, тоже хватало. Но для подобных экстремистов, неспособных объединить людей, боящихся потерять последнее, у безов пуль все еще хватало.

Бойд дураком не был. Он прекрасно понимал, что бунт – это не метод. Он видел выход только в одном направлении – объединение Анклава с окружающими его территориями Британского халифата. И этот проект казался тем более состоятельным, если принять во внимание, что вокруг жили преимущественно шотландцы. Настоящие шотландцы – не те, что ходят в мечеть в Глазго, топча древние земли клана Бойд.

Природа в этих краях довольно суровая, но там была земля. Почти пустая, та, о которой в Анклавах давно забыли, – не участок для строительства нового небоскреба, а место, где можно засеять зерно и посадить деревья, где можно пасти скот. Фабрики синтетической пищи ушли в прошлое.

Во всяком случае, на ближайшие годы, пока не удастся восстановить нормальное электроснабжение – восемь из сорока шести атомных станций, расположенных на территории Британского халифата, взорвались, превратив юг острова в радиоактивную пустыню, непригодную для жизни. Более двадцати из оставшихся, в основном на севере эмирата Шотландия, были настолько повреждены цунами, пришед-

шим после вулканической катастрофы в Исландии, что о скором их запуске не могло быть и речи. Эту информацию верхолазы предпочитали не сообщать жителям Анклава, ее выудила из сети Лиса.

А пищевая фабрика не может довольствоваться включением время от времени – исходное сырье, биомасса, из которой потом лепили все, что пожелаешь, щедро снабжая безвкусную серую пасту ароматизаторами и усилителями вкуса, быстро портилась. Даже непродолжительная пауза в производственном процессе требовала запуска пищевого фабриката с нуля. С полгода назад у Бойда была идея попытаться возобновить работу одной из пищевых фабрик в Скотланд-Ярде – до сих пор желудок сжимался в болезненном спазме при одном воспоминании об экскурсии туда: такой вонь Бойд не ощущал никогда в жизни.

– Есть, файл открыт, – сообщила Лиса, и на лице девушки появилось бледное подобие улыбки.

– Что там? – Бойд подался вперед, почти уткнувшись носом в экран «раллера», но бегущие по темной поверхности столбцы белых цифр ему ни о чем не говорили. Основной поток информации транслировался прямо на «балалайку» Лисы.

– Пока не знаю. Но это уже большой прорыв – я внутри, и меня не видят.

Бойд отодвинулся от «раллера» и вообще – отошел от Лисы на пару шагов. Лицо его сделалось мрачным.

– Мне не нужно, чтобы тебя никто не видел. Мне нужно, чтобы я видел, что у них внутри, – сухо сообщил Шотландец. Он был недоволен. – И мне нужно, – Бойд сделал акцент на слове «мне», – чтобы сетью управляла ты. Хотя бы в течение тридцати минут.

– Пока это невозможно. Дай мне время, Бойд. Правильный взлом не делается за полдня!

Шотландец схватил какую-то утварь с соседнего стола и с силой швырнул ее на пол. В стороны полетели осколки.

– Ты мне это говоришь уже второй месяц! – заорал он.

Лиса сидела как ни в чем не бывало. Она привыкла к взбалмошному характеру Шотландца и знала, что ее, Лису, Бойд ни за что не променяет на целую дивизию уличных головорезов, которые время от времени теребили безов. Лиса была машинисткой, хорошей машинисткой, а не тритоном, годным лишь на одноразовый лихой налет, – Бойд это знал.

– Что с данными Сквирела? – спросил Бойд.

Лиса поморщилась, не отводя взгляда от экрана «ралле-ра».

– Совсем ничего?

– Я пытаюсь использовать то, что он приносит, – объяснила ломщица, – но пока точно могу сказать только одну вещь – в СБА ему активно вешают лапшу на уши.

– Он же не может лезть...

– Я понимаю, – Лиса улыбнулась. – Ты спросил, я ответила, так?

– Так, – проворчал Шотландец. – Работай!

Тонкие пальцы Лисы быстро застучали по клавиатуре «раллера», которая издавала характерный звук – словно крабы жрали тушу издохшего кита. В «рабочем кабинете» Бойда было тихо, если не считать тарахтения дизеля, приглушенные звуки которого доносились через тонкую перегородку за сценой. Бойд настолько привык к этому гулу, что перестал его замечать.

Идея была хороша. Надо признать, она не принадлежала Бойду, но из этого могло многое получиться. Могло выйти и самое главное – Бойд не желал довольствоваться кусками, он хотел все.

Еще задолго до катастрофы на Станции Бойд сумел превратить свою банду, промышлявшую мелкой торговлей «синдином» и «крышеванием» бизнесменов мелкой и средней руки, в настоящий преступный клан. Правда, сам Шотландец свою деятельность преступной не считал. Подумаешь, его люди собирали дань с каждого, кто решил обзавестись бизнесом на территории Скотланд-Ярда. Чем, скажите на милость, лучше безы с их официальной оплатой охранных услуг? Бойд никогда не наглед, называя торговцам цену, а охрану его головорезы обеспечивали не хуже, чем СБА. Во многом – лучше: Шотландец никогда не разводил руками, если его ребята в чем-то не успевали. Все его «подопечные» были отомщены, а родственникам всегда выплачивалась компенсация. Так что платившие Бойду знали, за что

отдают кровно заработанное.

Шотландец был сильным лидером и безжалостным бандитом – когда клан окреп, конкуренты по преступному бизнесу не смели показать носа без его разрешения. Но, вопреки представлениям многих обывателей, Бойд не был тупым мордоворотом. Точнее, мордоворотом он как раз был – природа наградила Аласдера МакДональда недюжинной силой и крепким телосложением, – но и умом он обижен не был. Великолепный стратег и бесстрашный воин – Бойд быстро стал негласным хозяином южных окраин Эдинбурга. О Шотландце Бойде слышали везде, уже несколько лет многие кланы Анклава прислушивались к его мнению и на рожон не лезли.

Бойд был реальной силой, и в СБА с ним тоже считались. Тем более сейчас, когда относительное спокойствие в Скотланд-Ярде держалось исключительно на авторитете Шотландца. Бойд заботился о своих людях, и ему верили. За ним готовы были пойти. И он был готов вести людей. С некоторых пор он четко уяснил, чего хочет от жизни, и видел свой путь как на ладони.

Но отправляться на верную гибель самому и вести на бойню своих людей Бойд не собирался. Он прекрасно понимал, что власть СБА – лишь вопрос доверия верхолазов, фактически владеющих Анклавом. СБА представляла собой реальную силу – «дыроделов» и «ревунов» у безов было все еще предостаточно. И патронов к ним – тоже.

Но путь оружия сегодня вел в тупик: Эдинбург всегда был

и оставался самым продвинутым в научном отношении Анклавом, именно сюда много лет стекалась основная элита научного мира, так повелось еще со дня принятия «Положения об Анклавах». Эдинбург был колыбелью Анклавов, первой ласточкой, вызвавшей цепную реакцию по всему миру.

Ученые, работающие в Университете и в Thunderhall, искали альтернативные источники энергии. Пока все, что им удалось – это снижение энергозатрат и усовершенствование технологии ветряков, белесой техногенной порослью облепивших большинство небоскребов Анклава.

Этого было мало, но в Британском халифате, сильно пострадавшем от радиоактивного заражения южных территорий и цунами, обрушившегося на северное и западное побережья, надежды не было никакой. Европейский Исламский Союз передал официальные бразды правления в халифате лояльной к Эль-Парижу администрации Шеффилда. На деле, в условиях резкой ограниченности в коммуникациях и жесточайшего транспортного коллапса, власть Шеффилда была номинальной, и, по сути, каждый выживал как мог.

Эдинбург, сохранивший большую часть своих производственных мощностей, был единственной надеждой близлежащих городов Британского халифата на снабжение медикаментами и техникой, работающей на углеводородном топливе, да и сами поставки углеводородов были невозможны без эдинбургских нефтеперерабатывающих заводов – дорого, но в условиях жесткой ограниченности электроэнергии незаме-

нимо. Ради этого британцам приходилось делиться энергией – собственных электростанций Анклав не имел.

Таким образом, круг замыкался – основой существования Эдинбурга, как и прежде, оставались технологии. Тот, кто контролировал лаборатории и производства Thunderhall, тот владел всем Анклавом. И это наглядно продемонстрировали верхолазы директору Эдинбургского филиала СБА, когда часть производств была оккупирована вооруженными безами, – управление производствами оказалось заблокированным, и запустить процесс никто из персонала не смог. Допросы с пристрастием и применением химии не помогли: даже высшее руководство предприятий не знало, что происходит. А все было просто: верхолазы решили подстраховаться, и Морти Мортенсу, нынешнему хозяину «Солнечной иглы», популярно объяснили, что готовы сотрудничать, но на взаимовыгодных условиях – безы занимаются охраной, верхолазы решают, как жить дальше. Стороны договорились, и уже вечером производства снова заработали: коды доступа были введены доверенными лицами верхолазов. Где и как – до сих пор оставалось загадкой.

Инцидент замяли, широкой огласки события того дня не получили. Всем было выгодно сохранять устоявшийся status quo. Но Лисе удалось выудить информацию из сети. Отрывочные факты, но Бойд умел читать между строк.

Так вот, план Бойда был прост. Проста и очевидна была идея, но ее исполнение требовало невероятной виртуозности

Лисы и слаженных действий всей команды. С командой все было в порядке – практически в каждом районе Анклава у Шотландца имелись преданные люди, каждый знал, что нужно делать, когда дадут указание. Но указания все не поступали – основные действия должны произойти в виртуальном мире, люди на местах – лишь «руки» сети, не более.

Бойд все продумал и просчитал. С подсказки одного умника, который внезапно куда-то исчез пару недель назад. Ему нужен был доступ в сеть Анклава, хотя бы на полчаса, а Лисе никак не удавалось его получить. Даже несмотря на данные, которые таскал от машинистов СБА Сквирел. Его удалось протолкнуть на наладку новой сети, которую затеяли в Анклаве безы.

Лиса утверждала, что в сегодняшнем обрубке, оставшемся от былой мощи сети, связывавшей самые отдаленные уголки земного шара, дыр хоть отбавляй. Только ломиться в явную, словно для того и созданную дыру означало мгновенный ответ безов. А прямого вооруженного столкновения с СБА, несмотря на всю мощь клана, Бойд не выдержал бы. И еще, нужно точно рассчитать время – факт, что после того, как новая сеть Мортенса начнет работу в полную силу, придется забыть об относительно простом взломе, был понятен даже далекому от мира цифры Бойду.

Лицо Лисы на мгновение сморщилось в недовольную гримасу, она легонько подергала проводок психопривода, пальцы нервно постучали по клавиатуре «раллера», после чего

ломщица отключилась от сети и закрыла компьютер.

– Что? – с заранее умершей надеждой спросил Бойд.

Лиса мгновение помолчала, рассматривая царапины на крышке «раллера», потом подняла глаза и спокойным тоном ответила:

– Так невозможно работать. Я не могу ничего сделать, когда сеть постоянно виснет и сбоит.

Бойд с недовольной миной на лице отвернулся.

– Так сделай, чтобы не сбило. Ты же у нас компьютерный гений.

Лиса глазами показала на стеклянную крышу. Там были установлены антенны, которые сделала сама машинистка. Вся сложная конструкция питалась от дизеля, но мощности катастрофически не хватало.

– Мы слишком далеко, – сказала Лиса. – Ближайшая нормальная точка в Даун Тауне, а с нашим сигналом туда можно достать только при попутном ветре. Судя по всему, ветер теперь сменил направление.

– При чем здесь ветер?

– Это образное выражение, – объяснила ломщица. – Мне нужно нормальное подключение. С этим оборудованием можно сломать только коды доступа в сеть общего пользования. Я тебе загружу в «балалайку» – можешь сходить в Нью-ингтон и посмотреть новости. Пока безы не проведут смену действующих паролей. А ничего более серьезного я из этой штуки не выжму.

Бойд недовольно покачал головой.

– Будет тебе подключение, работаем в этом направлении, – пообещал он.

Лиса пожала плечами.

– Тогда зови – я всегда готова, – сказала она, положив «раллер» в широкий карман куртки, и отключила дизель. Внезапно в пустом помещении повисла гулкая тишина. – Здесь все готово, осталось только загрузить это в сеть.

И снова все упиралось в технологии. Людям нечего жрать, а вопрос власти по-прежнему решала сеть и электричество. Даже если Бойд организует бесперебойное снабжение Анклава зерном и мясом, он станет всего лишь ведущим поставщиком. И то скорее всего ненадолго – охотников урвать кусок чужого бизнеса, держащих в руках технологии, хватало с избытком.

Был во всей этой затее один ненадежный момент – человек, предложивший идею Бойду. Нет, подробный план Шотландец разработал сам, обо всех тонкостях в курсе только Лиса – Бойд был не в силах оценить потенциал и возможности сетевого взлома. Но идею поступить именно таким образом дал совсем другой человек. Бойд был склонен ему доверять – парень этот шотландец до мозга костей. Но он исчез две недели назад, и пока никому не удавалось его найти. Если о намерениях Бойда известно СБА... Тогда клан уже проиграл.

Бойд поднял свою «балалайку» со стола, где ее оставила

Лиса, и вставил в гнездо. А может быть, и на самом деле стоит прогуляться в Даун Таун, послушать новости, посмотреть на достопримечательности Анклава?

До блокпоста на Морнингсайд роуд доехали быстро – старый добрый внедорожник «Ауди Дромадер», укомплектованный мощным дизельным двигателем, не имел ни одного шанса застрять в пробке: пожалуй, сегодня автомобиль Бойда был единственным транспортным средством на широкой четырехполосной дороге. Много пафоса? Вне всякого сомнения. Но не ехать же хозяину Скотланд-Ярда на велосипеде.

На границе Ньюингтона, у блокпоста внедорожник все же пришлось оставить – даже для главаря клана скидок не делалось, передвижение по Даун Тауну разрешалось только пешком. Еще один повод с досадой плюнуть в придорожную пыль – верхолазы катались по корпоративным территориям на своих авто, ни у кого не спрашивая разрешения. Хотя, напомнил себе Бойд, на то они и верхолазы.

Проверку «балалайки» тоже пришлось пройти. Безы на блокпосте прекрасно знали, кто такой Бойд. Шотландец был на них не в обиде – офицеры выполняли свою работу. Он послушно приподнял гриву соломенно-желтых волос, подождал тихого «Можете проходить» и оказался на той стороне бетонного заграждения, присоединившись к первому из телохранителей, который уже прошел досмотр. Если бы безы применяли стационарный наноскоп, скорее всего обнаружи-

ли бы временные коды доступа, которые загрузила в «балалайку» Лиса. Скорее всего сделали бы вид, что не заметили, но сообщили бы об этом в «Иглу». Но наноскоп включали редко – слишком много драгоценного электричества потребляла эта штука.

Как только «балалайка» Бойда подключилась к сети, пришло сообщение. В нем – длинный номер незарегистрированного коммуникатора. Сообщение прислали недавно, иначе Лиса сообщила бы о нем. Шотландец достал свой коммуникатор и перезвонил.

Голос узнал не сразу – мужчина, похоже, звонил из Punkground.

– Ты просил сообщить, если появится возможность подключиться? – спросил голос. Да, это именно тот, о ком Бойд подумал. Точно из Punkground.

– Да.

– В среду через две недели, с четверти третьего и часов до семи в нашем районе вроде как профилактика будет, – сообщил мужчина и дал отбой.

– Отлично, – ответил Шотландец отключившемуся коммуникатору и повторил, уже опустив руку: – Отлично.

Похоже, Лиса получит то, что ей нужно. Час откровения близился.

Ну что ж – теперь вполне можно прогуляться, неизвестно, когда такая возможность появится еще раз.

Лохлан привык спать в любой обстановке. Он не помнил: эта способность была у него всегда или появилась после Катастрофы, когда большинство жителей Анклава вынуждены были сильно изменить образ жизни.

В просторном ангаре, бывшем складе какой-то транспортной корпорации, места было достаточно. Но и желающих получить ночлег под крышей – тоже хватало. Оборудовать спонтанно возникшую ночлежку никто не собирался. Толстый, сантиметров пятнадцать, слой мусора, пожухлой травы, листьев и обрывков чьей-то одежды – вот и вся постель, которую можно здесь получить. Порядок несложный – если нашел пустое место, можешь его занять. Конечно, если не найдется какой-нибудь умник, который припоздает и окажется посильнее тебя. Тогда придется уступить и спать на улице.

Лохлан поднялся в пять. На улице темно, все тело ныло, голова – чумная. Непонятно, спал или нет. Каждое утро казалось, что этот кошмар не закончится никогда – очень хотелось нормально выспаться, принять душ и поесть нормальной горячей еды. Несколько минут перед самым пробуждением Флетт ясно помнил, что все это было в его жизни раньше, что у него был нормальный дом и нормальная человеческая жизнь. Но все это было словно бы в каком-то ином

мире. Даже не в параллельном – этот мир явно располагался в перпендикулярной плоскости к тому, что человек привык называть нормой.

Но стоило открыть глаза, и морок воспоминаний улетучивался, как эфир на ветру. Когда Лохлан, выйдя в промозглую прохладу осеннего утра, окончательно проснулся, в памяти остался только тот мир, что уродливой помойкой медленно проступал сквозь постепенно исчезающий холодный туман.

В восемь на Лейт-стрит начинали выдавать еду. Нужно успеть. Там ждать никто не будет – опоздал, значит, остался голодным.

На широкую улицу, северная часть которой превратилась в свалку бетона, оставшегося от рухнувшего второго уровня дороги, и разнообразного мусора, принесенного волной из моря, со всех сторон стекались люди. Все спешили, каждый хотел быть первым.

Местами возникали стычки. Пока не из-за еды, просто что-то не поделили. Наверняка назад вернутся не все – убийства в Лейте были делом обычным. Лохлан сам не видел, но ходили слухи, что местами убивали и ради мяса – человечина ничем не хуже любого другого. От этих мыслей Лохлана передернуло.

У блокпоста стояли два грузовика. Массивные мобили безы поставили так, чтобы загородить проход в Даун Таун – латинской буквой V, уперев задние бамперы друг в друга. На пешеходной части дороги мялись вооруженные безы,

стволы «ревунов» направлены в собирающуюся толпу. Разумеется, если толпа рванется вперед, никакие блокпосты, никакие «ревуны» ее не удержат. Но каждый понимал, что пуля может достаться именно ему, поэтому пока попыток прорвать заграждения никто не предпринимал. Да и какой в этом смысл? Лохлан, рассматривая напирющую на бетонный забор толпу, подумал, что смысл определенно есть. Но в следующий момент удивился, потеряв нить размышлений.

Толпа гудела и медленно шевелилась. Получившие сегодняшний паек старались как можно быстрее уйти. Некоторые начинали есть сразу, откусывая ломти от сероватого брикета, пока пробирались сквозь людскую массу.

Справа послышался вопль отчаяния – у кого-то отобрали паек. Оставшийся без пропитания продолжал кричать. Зря, все равно никто не поможет, все ждут своей очереди. Здесь каждый сам за себя. Остался жив – радуйся и уноси ноги.

Пробиться к выдаче Лохлану удалось на удивление быстро, не прошло и часа. У безов еще оставалось достаточно пайков, второй мобиль еще не распаковали.

– Имя? – спросил мужчина, выдающий еду.

В руках он держал сканер, которым уже прошелся по затылку Лохлана, и планшет, куда стекались данные со сканера – безы пытались изобразить хотя бы видимость порядка: пакеты выдавали только после сканирования «балалайки», чтобы исключить выдачу двух пайков в одни особо наглые руки. Справа и слева от выдающего в кузове стояли два беза в

форме. Оба с «дрелями» на изготовку. Лохлан заметил, что предохранители на оружии у обоих сняты.

Флетт открыл рот и понял, что мысли, роящиеся в голове, никак не хотят складываться в звуки его имени. Нет, он не то чтобы забыл, как его зовут, но произнести свое имя вслух у него не получалось.

– Имя?! – более требовательно выкрикнул без. Было видно, что весь этот процесс его сильно раздражает. Охранники, как по команде, подняли «дрели».

Лохлан еще раз попытался произнести слова, но язык будто прилип к небу, а горло свело спазмом и изо рта вылетело лишь невнятное карканье.

– Лохлан Флетт его имя, – послышался голос сзади. Знакомый голос, Лохлан его вроде бы раньше слышал.

– «Синдин»? – резко спросил без и отодвинул сверток от протянутых рук Лохлана. Паек давали всем без разбора, но раздающего еду беза никто не проверял, так что ему решать, дать еду или отказать. Сегодняшнему не нравились наркоманы. А может, когда-то ему насолили тритоны.

– Нет, – сказал все тот же голос, – он не «минус». Контуженый.

Без сделал пометки в планшете и, не глядя, отдал сверток Лохлану. Флетт, быстро спрятав еду под курткой, обернулся. Перед ним стоял Элиот. Ну конечно же, он знал этот голос! Повезло, мог остаться без пайка.

– Опять свое имя забыл? – поинтересовался Элиот.

– Опять? – не понял Лохлан.

«Лохлан Флетт», – повторил он на всякий случай про себя. Вроде бы получается. Но он и раньше помнил, как его зовут, только почему-то не мог сказать. Или не помнил?

– А я смотрю, ты стоишь, на бега вылупил, и крикаешь что-то. Думаю, помочь надо человеку. – Элиот тоже получил свой паек и, не глядя сбросив чью-то руку, как бы невзначай вцепившуюся в его еду, пошел в сторону блокпоста, толкая перед собой ничего не понимающего Лохлана. – Ты сегодня на «Callboard» пойдешь?

На «Callboard»? Зачем ему надо туда идти? Лохлан начал припоминать, что действительно нужно сходить к «Доске объявлений», но для чего, не знал. Найти новый заказ?

Каждый вечер, в темноте и духоте ночлежки (если, конечно, удавалось занять место), Лохлан пытался понять, для чего он убивает людей. Выбирает жертву, преследует ее и убивает. По утрам, после посещения «Callboard», он был уверен, что у него есть заказ, что он выполняет нехитрую работу киллера. Но вечером, после наступления темноты, почему-то в этом возникали сомнения: где в таком случае деньги, выплаченные за совершенные им убийства, где сами заказы, и почему он помнит только факт убийства? К утру все подробности исчезали из памяти, оставались лишь обрывки совершенного накануне и уверенность, что нужно продолжать это занятие.

Но вчера, кроме убийства, было что-то еще. Нужно

вспомнить. Именно с этим связана необходимость идти на «Callboard», а не с поиском нового заказа.

– Элиот, вчера на «Callboard» что-нибудь интересное было? – спросил Лохлан. Возможно, Каннингем что-то подсказет.

– Нет. Ерунда всякая. А ты по той записке что-то нашел? Ага! Записка! Точно – в правом кармане куртки лежал клочок бумаги. Лохлан достал его и посмотрел – обрывок фотографии и непонятная надпись от руки. Это памятка о книге, но при чем здесь «Доска объявлений»? Книгу он нашел на Пустыре, а в Даун Таун ходил... В кармане лежал еще один листок. «Продается книга. Бумажная. С Пустыря», – было написано на уже успевшем отсыреть листке.

Точно, как он мог забыть?! Он же собирался продать книгу, выставить ее на торги. На «Callboard» нужно проверить, нет ли сообщений от покупателей.

Блокпост открыли только к обеду. Все это время Лохлан с Элиотом просидели на бетонном парапете витрины какой-то лавки, жуя куски сероватой однородной массы, сегодня имеющей вкус чего-то жареного. Элиот с Лохланом обща пришли к выводу, что больше всего вкус похож на картошку. Внешний вид у пайка всегда был одинаков – серый, резиновой плотности брикет. В новостях, каждый раз, когда включалась сеть, не забывали напоминать, что неприглядность бесплатной синтетической пищи связана со строжайшей экономией. Большинство понимало – лучше жрать се-

рую кашу, чем подохнуть от голода.

Как ни странно, толстое стекло витрины растрескалось, но уцелело. Видно было, что его целенаправленно пытались разбить – паутинки трещин разбегались от нескольких «эпи-центров» ударов. Поперек проема витрины вкривь и вкось было наварено несколько толстых арматурных штырей. Их происхождение не вызывало сомнений – подобного добра было полно четырьмя кварталами в сторону залива, где второй уровень Лейт-стрит лежал на земле.

Названия лавки не сохранилось – теперь здесь жили. Об этом красноречиво говорили несколько похожих на гнезда лежанок на полу, грязь и запах нечистот, доносившийся из открытой двери. Теперь в Анклаве все районы были похожи на грязные окраины.

На ступеньках, ведущих к двери, сидел мужик с «дыроделом» в руке. Мужик курил что-то подозрительного вида и недобро посматривал на примостившихся рядом. Смердело от него не хуже, чем из лавки. Дверь, бывшая когда-то стеклянной, теперь состояла в основном из металлического каркаса с наваренной поверх остатков стекла такой же, как перед витриной, арматуры. С обратной стороны были видны несколько мощных, покрывшихся ржавчиной засовов.

– Давно тут живешь? – стараясь выглядеть как можно добродушней, спросил Элиот.

– А тебе какое дело? – выдохнув едким перегаром, бросил мужик.

Лохлан закашлялся, Элиот едва заметно поморщил нос и поинтересовался:

– Курево где берешь?

Мужик явно не был настроен на разговоры. Определить, сколько ему лет, было сложно – во-первых, всего полтора года назад это место являлось вполне респектабельным районом и те, кто здесь жил, активно пользовались услугами хороших пластиков; а во-вторых, за грязью и спутанной порослью на лице мужика мало что вообще было понятно.

– Сам делаю, – снизошел до ответа мужик.

Люди всегда охотней идут на контакт, когда появляется возможность чем-то похвастаться. Потом оценят, стоит ли рассказывать о своих достижениях чужакам, но первая реакция всегда располагает к незнакомцам. Элиот, похоже, нащупал слабое место этого человека, а Лохлан задумался, откуда ему известны такие подробности психологии.

– У-у! – восхищенно промычал Каннингем. – Из чего?

Мужик посмотрел на него исподлобья, пробурчал что-то под нос – мол, расскажи вам все, – и, сплюнув в пыль, протянул засмоктанную самокрутку собеседнику.

– На, затянись. Качественное сырье. Сам траву выбирал, хорошо пробирает.

Элиот принял дымящийся окурок, повертел, рассматривая не то тлеющий уголек, не то надписи, оставшиеся на газете, из которой была сделана самокрутка, и осторожно затянулся. Лохлана чуть не стошнило от такого зрелища – у му-

жика вид был не самый здоровый, неизвестно, какую от него заразу можно подхватить. Каннингем на пару секунд задержал дыхание, замер, закрыв глаза, и шумно выдохнул струю дурно пахнущего дыма. Потом сплюнул, точно копируя манеру плевать мужика с «дыроделом», и часто закивал.

– То, что надо, – сказал Каннингем. Он немного осип от зловонного дыма, но воткнул огарок в рот и сделал еще одну затяжку.

Производитель сигарет довольно осклабился.

– С семьей тут живешь? – спросил Элиот.

Мужик немного погрузтел.

– Да, – все же ответил он спустя несколько секунд. – Это мой магазин, – он показал на витрину свободной рукой. «Дыродел» не опустил, заметил Лохлан. – Был. Теперь живу здесь: в квартире на восемнадцатом этаже жить вообще невозможно. Оно и здесь... Но хоть мотаться туда-сюда не нужно. И убратся здесь худо-бедно можно. А на восемнадцатом теперь настоящая помойка.

– Весь мир помойка теперь, – сказал Элиот.

– Гниющие останки, недоеденная падальщиками мироздания плоть, – добавил Лохлан, и понял, что слышал эту фразу вчера от Каннингема. Или это было не вчера?

– Вот-вот, – согласился Элиот. – Безы не донимают?

Мужик покачал грязной головой и вытащил из внутреннего кармана измятого пальто еще три сигареты. Одну предложил Лохлану, но тот отказался. Элиот предложенное ему

взял, но закуривать не стал, сославшись, что лучше оставит «про запас». Тогда мужик отдал ему и ту самокрутку, что предназначалась Лохлану, а сам закурил.

– Нет, не трогают. Наоборот – СБА создает хотя бы видимость безопасности: поблизости от блокпоста многие опасаются очень уж шуметь.

– Но бывает? – Лохлан кивком указал на «дыродел».

– Бывает, – сказал мужик и вздохнул.

Было ясно, что на душе у него наболело, но он все никак не решался выложить подробности незнакомцам. Да и зачем, в сущности. Что они с Элиотом могли решить, чем могли помочь этому человеку?

– Когда это началось, ну, после того, как вода ушла и трясти перестало, – все-таки начал мужчина. Он то и дело нервно затягивался, глаза его были опущены, – я на Площадь пошел, узнать, что да как.

Он помялся несколько секунд. Махнул рукой – мол, чего уж там, – и продолжил:

– Думал, это все временно. Думал, оцепят район, эвакуацию объявят, восстанавливать будут. Я же не знал, что так, – он обвел окрестности стволом «дыродела», Лохлан произвольно пригнулся, – везде.

– Да, брат, – согласился Каннингем, – никто не думал.

Но мужик на его слова не обратил внимания. Он начал изливать душу, и теперь ему нужно было продолжить.

– Жена тут осталась и сын. И продавец, – он зло посмотрел

на огонек догоревшей почти до пальцев самокрутки, будто в нем крылись все грехи мира, и резко плюнул на дорогу, – гнида.

Элиот и Лохлан молчали. Собственно, и так было ясно, чем закончилось это дело. Если не вдаваться в частности. Но хозяина лавки было уж не остановить.

– Здесь беспорядки начались – мародерам, что на затопленной территории копошились, мало показалось. Ломиться стали, продавец оглушил сына и впустил их внутрь. Скоты!

Руки мужчины сильно дрожали, он дважды промахнулся окурком мимо рта, потом выбросил его. Сейчас отобрать у него «дыродел» было простой задачей, он почти не держал оружие. «Если он и дальше будет так откровенничать с незнакомцами, – подумал Лохлан, – то долго не протянет в своей лавке».

– Они убили ее. Тут все в крови было. Сыну повезло, его за мертвого приняли. Ур-роды – из-за шмоток паршивых! И главное – зачем они им, куда теперь такое наденешь?! – На лице хозяина лавки застыло удивление.

Он переживал свое горе заново, раз за разом прокручивая в памяти события того дня. Он жил одним днем, в тот момент его жизнь остановилась. Наверное, только чудом оставшийся в живых сын удерживал его на этой земле.

– А с кем живешь? – спросил Элиот. Было ясно, что для двух человек в магазине слишком много «спальных мест». Да и вряд ли хозяин спал здесь, в торговом зале, наверняка

в глубине у него был кабинет.

– С сыном. И тестя сюда забрал – ему повезло, во время землетрясения в Даун Таун по делам вышел. А теща на рынок за рыбой пошла...

От рынка не осталось даже следов. Метров пятьсот от берега волной слизало полностью. Дальше – многие строения требовали капитального ремонта, но большинство домов устояло. А рыбный рынок располагался у самого порта, в том месте и бетонного основания не осталось.

– А тут, – мужик показал на благоухающую нору, бывшую когда-то торговым залом небольшого магазинчика, – знакомые живут. И еще – кого они привели. Люди помогать друг другу должны, – как-то обреченно добавил он.

Пока сидели, Лохлан сжевал больше половины пайка – двухдневная норма. Деньги появятся, если повезет, можно будет купить рыбы на берегу. Рыбаки ходили в море редко – судов после цунами не стало, а оставшиеся моторы, те, что еще возможно починить, работали на батареях Ллейтона. Да и рыба, если верить знающим людям, была радиоактивной.

На объявление Лохлана никто не ответил. Не то книга никому не интересна, не то заинтересованные раздумывали, какую цену предложить. И чем расплачиваться – бумажные деньги пока еще имели вес, но с каждым днем их брали все неохотней. Дополнительный паек стал куда более ценной вещью в нынешнем мире.

Возвращаясь с Площади, Лохлан снова зашел к Джейко-

бу – так звали хозяина той лавки. Они с Элиотом еще долго говорили с ним, но разговор показался Лохлану незаконченным.

Джейкоб все так же сидел на ступеньках, «дыродел» все так же лежал в его правой руке. Возможно, после тех событий он вообще не выпускает оружие из рук.

Мужчина увидел Лохлана и приветливо кивнул. Флетт остановился, тогда Джейкоб жестом пригласил его сесть рядом.

– Тебе есть, где жить? – спросил он гостя.

– Это не проблема, – ответил Лохлан. Он пришел узнать другое. – Что с продавцом?

Флетт каждый день видел подобное на улицах Лейта, сейчас, спустя почти полтора года после Катастрофы, стало спокойней. Но все равно, увидеть, как из-за какой-нибудь совершеннейшей мелочи, а то и вовсе просто так, убивают, было не очень сложно. Убийцей мог стать каждый. Безы не вмешивались в дела окраин – жители этих мест и раньше не особенно платили СБА, а сейчас платить было нечем. Но рассказ бывшего торговца, полный сдерживаемой ярости, почему-то взял Лохлана за живое.

– Продавцом? – не понял его мужчина.

– Тем продавцом, который впустил мародеров?

Мужик поджал губы и отвернулся. Он старательно делал вид, что рассматривает опору второго уровня Лейт-стрит, но подбородок его дрожал.

– Что с ним стало? – не унимался Лохлан.

– Исчез, тварь, – не оборачиваясь, тихо сказал бывший торговец. – Если б я эту гниду где-нибудь встретил... Да вот, сижу тут.

Мужчина показал на свои ноги. Туфли сильно растоптаны и местами порваны. Даже в обуви видно, что с его ногами что-то не так. Лохлан прищурился, пытаясь понять, какая в них кроется проблема, но бывший хозяин лавки объяснил сам:

– Артрит. Раньше такую болезнь за пару недель вылечить бы. Недешево, но – куда деваться. А сейчас... За деньги здоровье не купишь.

Лохлан понял, что это его следующий заказ. Он предпочитал не встречаться с заказчиком лично, но раз уж так случилось...

– У вас есть данные того продавца?

Торговец пристально посмотрел в глаза гостя и, не отводя взгляда, кивнул.

– Давайте, – будничным тоном проронил Лохлан.

– Сколько я буду должен? – поинтересовался Джейкоб. В его голосе проступили интонации старого торговца.

– Сочтемся, – Лохлан улыбнулся. В данном случае называть стоимость не хотелось. Джейкоб – честный человек, он способен оценить предоставленную ему услугу.

Хозяин лавки сходил внутрь – зайдя в торговый зал, он извинился и запер дверь на замок – и принес небольшой ком-

пьютер. Не «раллер», но что-то похожее. В прошлом мире такая игрушка, наверное, здорово стоила. Аккумулятор компьютера заряжен, почти полностью. Откуда такое богатство?

Джейкоб открыл файл, в котором была сведена вся информация о его небольшом бизнесе. Там же значились сведения продавца: номер «балалайки», данные удостоверений личности, адрес, давно ставший историей, и фотография. С картинки улыбался чернокожий парень лет двадцати пяти – широкой открытой улыбкой. Внизу, почему-то нестандартным шрифтом (скорее всего Джейкоб скопировал надпись из какого-то другого документа), значился длинный ряд цифр – код «таблетки», идентификационного чипа, не завязанного на сети. Такие гаджеты из-за проблем с тритонами СБА ввела незадолго до Катастрофы.

Лохлан внимательно прочел все, что было написано в ячейке, потом взял из рук торговца изгрызенный карандаш и написал на затертом листке, лежавшем в правом кармане куртки, *«cepsi jir let probden ulm mul loplal talen»*. О том, что значат эти странные слова, Лохлан даже не пытался задуматься, его действия были совершенно автоматическими.

Джейкоб, внимательно наблюдавший за странными действиями Лохлана, подождал, пока тот спрячет скомканный листок, и добавил:

– Он еще рукой все время вот так делал.

Он показал, как будто что-то закручивал.

Вечер выдался холодным – морозы в Эдинбурге бывали

нечасто, особенно осенью, но сегодня оказался как раз один их таких редких дней. Лохлан не пошел к ангару. Ему хотелось побыть на свежем воздухе.

Он сидел на пустом берегу, совсем недалеко от нехотя облизывающего песок холодного прибоя. Сзади, на пустынном берегу, то тут, то там виднелся разнокалиберный мусор – чем дальше от воды, тем плотнее становилось покрывало из останков человеческого мира. Прямо за спиной из песка возвышалась бетонная коряга с торчащим из нее ржавым остатком парашюта, что всего полтора года назад отделял улицы Лейта от пляжа, – все, что осталось от некогда красивой набережной.

Очень хотелось спать, но Флетт специально пришел сюда – морозный бриз бодрил, помогая оставаться на плаву. Именно так: на плаву – Лохлан словно бы плывал в океане бессмысленности и забвения. Сейчас он помнил все, что случилось за весь день. Сейчас он понимал, что с его памятью происходит что-то очень плохое. И он знал, что стоит ему заснуть, как воспоминания станут исчезать одно за другим, чтобы к утру развеяться как дым, не оставив места даже удивлению от того, что вчерашний день исчез.

Лохлан пытался понять, кто те люди, которых он убивал. И зачем он это делал. Теория о том, что это его работа, достаточно состоятельна – Лохлан проверил тайник, который нашел, прочитав одну из строчек на исписанном помятом обрывке старой рекламы: там лежала книга и довольно боль-

шое количество денег. Но что-то внутри подсказывало, что это не так. Нет, он был уверен, что поступает правильно, что он пресекает какой-то странный заговор, искореняет зло, сошедшее на землю, но он не понимал главного – зачем?

А впрочем, какое это имеет значение? Пока размышлял, Лохлан построил из песка башню, похожую на донжон замка, а песчаные замки, возведенные в полосе прибоя, имеют обыкновение очень быстро исчезать – завтра этот вопрос его беспокоить не будет.

* * *

Слепящая белизна, застывшая все вокруг, снова исчезла. Перед глазами плясали темные пятна, сквозь них неохотно проступали очертания какой-то комнаты. За темным плафоном лампы, свет которой слепил Лохлана мгновение назад, угадывался силуэт человека. Невысокого и худого.

– Покупатель оставил координаты? – спросил худой.

Он подался вперед всем корпусом, и Лохлан увидел его лицо: узкое, с острым носом, черные с редкой проседью волосы небрежной прядью падали на лоб. Лохлан уже видел его раньше. Где? И эта внешность почему-то ассоциировалась у Флетта с книгой.

– Нет, – ответил Лохлан. Ответил машинально, словно что-то внутри головы подсказывало ответы.

– Каким образом вы получили деньги?

В голове Лохлана мучительно закололо, в глазах заплясали разноцветные искры. Он не понял, что произошло, но спустя мгновение из памяти, словно водопад, полились совершенно разрозненные воспоминания обо всем, что могло быть связано с деньгами и цифрами. Лохлан сморщился и потряс головой, стараясь отогнать наваждение. Но поток цифр внутри головы не иссякал.

– Каким образом вы получили деньги? – повторил вопрос худой.

– Перечислением, – пробормотал Лохлан.

Ему трудно было говорить, язык стал какой-то чужой и отказывался правильно двигаться. За этим «перечислением» ничего не стояло – куда перечислили, что перечислили, сколько? Ничего этого Лохлан не знал. Возможно, во всплывшем из небытия потоке цифр и был какой-то смысл, может быть, сумма или номер счета, но Флетт даже примерно не мог сообразить, который из этих тысяч номеров нужен худому.

– Вы получили подтверждение перевода?

Лохлан на секунду задумался о сути вопроса. Потом понял, о чем спрашивают, и удивился его бессмысленности – сеть не работала; даже в Даун Тауне, где вещание велось, у него не было права доступа. Откуда же тогда могло прийти подтверждение?

– Нет, – за все время допроса Лохлан дал первый осмысленный ответ.

Как же эта «сыворотка правды» туманит мозги. Мысли путались и смешивались, Лохлан не мог сосредоточиться ни на одной из них. Стоило задуматься о сути задаваемых вопросов, как тут же всплывало такое количество подробностей с похожим содержанием, пришедших совершенно из других воспоминаний, что Лохлан вообще переставал понимать, о чем спросили. И все сильнее начинала болеть голова.

– Номер счета, на который переведена сумма?

Вот вынь тебе да положь номер счета! Разумеется, Лохлан его не помнил. Особенно если учесть, что он не помнил о наличии какого бы то ни было счета вообще. «Балалайку» они, надо думать, проверили, там – пусто. Но вопрос с «открывалкой» – это не обычный вопрос, тут на память особо надеяться не надо, тут главное – правильные вопросы задавать. Если глаза хотя бы раз видели этот номер, мозг его выдаст сам, без привлечения сознания. Флетт в очередной раз задумался над тем, откуда ему столько известно об особенностях «сыворотки правды», ожидая услышать собственный голос, диктующий длинный ряд цифр номера счета. Но голосовые связки расслабились, и лишь тишина была ответом дознавателю. Он на самом деле не знал номера? Но как тогда он собирался получить деньги? Или в этот раз облажался дознаватель, нарушив нужную последовательность вопросов?

– Куда осуществлялся банковский перевод? – Худой решил попробовать зайти с другого бока.

Вообще его манера вести допрос несколько изменилась за последние полчаса. Или времени прошло больше? Лохлан на мгновение задумался о прошедшем времени и получил за это новый приступ головной боли – нечего терзать себя вопросами, на которые слишком много ответов, «сыворотка правды» этого не прощает, перегружая мозг подробностями. Не важно, сколько времени минуло, важно, что черноволосый начал сбиваться и говорить не так ровно, как в начале, урывками. Это могло означать только одно – у него закончился список заранее подготовленных вопросов, а полученные сведения не смогли удовлетворить его любопытства. И чем больше он сбивается в своих вопросах, тем менее точные ответы получит.

Лохлану, в сущности, было наплевать на удовлетворенность черноволосого дознавателя, но проблема в том, что он и сам не мог вспомнить то, о чем его спрашивали. А, судя по ответам, сведения вполне могли пригодиться в дальнейшей жизни. Если на нее у Лохлана еще оставались шансы.

– На счет, – речевой аппарат Лохлана выдал ответ, удовлетворивший как дознавателя, так и его самого.

– Каков номер этого счета? – медленно, четко выговаривая слова, чтобы не перепутать порядок, произнес дознаватель.

И снова тишина. Нет, Лохлан и в самом деле не знал этого.

Черноволосый обреченно вздохнул и посмотрел куда-то в

сторону. Тут же из полумрака слева прилетело и обрушилось на скулу Лохлана что-то твердое и тяжелое. Потом послышался второй голос, и Флетт неожиданно вспомнил, что дознавателей было двое – этот, худой с черными волосами, и здоровяк с потными руками.

– Перестаньте дурить, Флетт, – послышался голос черноволосого. Он понял, что сбился с программы допроса и, видимо, решил просто расслабиться. – Вы же взрослый человек, профессор Университета. Для чего вам понадобилось ломать эту комедию?

Профессор Университета? Это какой-то новый способ вести допрос под химией, что ли? Хотя откуда Лохлану могут быть известны старые способы?

Но мысль, путающаяся в болоте отрывочных воспоминаний, вытащенных из глубин подсознания «сывороткой правды», продолжала развиваться. Возможно, оттуда и известно – профессора люди образованные. А если он и в самом деле профессор? Ведь самостоятельно Лохлан не мог вспомнить даже вчерашние события, так, может, он не помнит и своего профессорского прошлого? Или эта каша в голове – результат воздействия на сознание «открывалки»?

Поток мыслей, становящихся более связными, прервала яркая вспышка света. На мгновение Лохлан потерял ориентацию, а затем начал различать смутные тени, шевелящиеся за пляшущими перед глазами пятнами. И цифры – целая лавина ничего не значащих цифр, взявшихся будто бы из ни-

откуда, проступала из небытия. Лохлан ничего не понимал, но где-то внутри зрела уверенность, что цифры имеют значение. И самое важное – это порядок их расположения.

Перед внутренним взором промелькнул ряд небольших серых контейнеров. Цилиндрической формы, немного поблескивающих, судя по всему, пластиковых. На каждом – номер и цветовая маркировка. Контейнеры лежали в среднего размера титанпластовом кейсе.

– Каков номер счета, на который переведены деньги? – послышался голос, показавшийся смутно знакомым.

Не отвлекаясь от раздумий, Лохлан выдал длинный код, состоящий, казалось бы, из нескончаемого ряда цифр. Когда он назвал последнюю в ряду цифру, Флетт вспомнил, что это – номер его счета по оплате коммунальных услуг. Это было единственное вырванное из контекста воспоминание – ни про коммунальные услуги, ни про то, когда, где и зачем он их оплачивал, Лохлан ничего не знал.

Но что это был за ряд контейнеров? Тоже с цифрами. Может, в кейсе с контейнерами лежали деньги, о которых хочет узнать тот темноволосый мужчина?

Как бы то ни было, учитывая саднящее от удара лицо, пристегнутые наручниками к подлокотникам кресла руки и не самую приветливую обстановку, возражать этим людям не стоило. Стоило как можно скорее вспомнить то, что они хотели услышать. Да и самому понять, что вообще происходит, тоже было бы неплохо.

Лохлан сконцентрировался на круге света, падающего из-под опущенного плафона лампы, стоящей на столе перед черноволосым, и попытался выловить в ползущих из подсознания обрывках воспоминаний хоть какой-нибудь смысл.

Глава вторая

Два месяца назад

1

Вид из Замка был так себе. Раньше, когда в Эдинбурге не было ни одного небоскреба, отсюда был виден весь город. Теперь же бо́льшую часть панорамы закрывали массивные тела башен, пыльными и местами растрескавшимися стеклянными громадами исчезающие за высоким оконным сводом. Между небоскребами виднелись северные, прилежащие к Даун Тауну районы территории Sway.

Разве мог Морти Мортенс, нынешний директор эдинбургского филиала СБА, предположить, что древний оплот безумных шотландцев, отправлявшихся бить англов всякий раз после славной попойки, станет заменой такой современной и функциональной «Солнечной игле»? В который уже раз он задавал сам себе этот вопрос и, в который же раз, отвечал на него утвердительно. Мог. Именно поэтому и приказал за несколько месяцев до запуска Станции снабдить Замок – туристическую достопримечательность Анклава – всеми современными системами безопасности. Одна беда – больше половины этих систем теперь не работала.

«Солнечная игла» казалась неприступной крепостью. Каждое перекрытие, каждая декоративная панель в штаб-квартире эдинбургской СБА была снабжена датчиками, трансляторами, камерами и эффекторами – от инфракрасных ослепляющих мигалок до автоматических пушек, способных пробить танковую броню. И во что превратилась цитадель полуторакилометровой высоты? В полуторакилометровой высоты свалку бесполезных механизмов: в условиях ограниченных поставок электроэнергии Британским халифатом они не могли запустить и десяти процентов оборудования «Иглы».

– Какие у нас перспективы? – спросил Мортенс, отойдя от окна. Стекла пуленепробиваемые, их заменили уже после переезда.

– Мы работаем над вопросом, – ответил президент Эдинбургского Университета.

Сейчас на него была вся надежда. На его верное руководство и гениальные головы ученых Анклава. На работу Университета не жалели ни денег, ни электричества. Ученые ни в чем не нуждались, но и спрашивали с них строго – работа велась практически без выходных, о безопасности проводимых экспериментов беспокоились в последнюю очередь. На первом месте стояла эффективность. Хотя некоторых стремящихся приложить руку ко всем экспериментам даже приходилось останавливать – заменить их светлые головы было некем.

И все же ничего принципиально нового ученые предложить не могли. Во всяком случае – пока. Мортенс надеялся, что – пока. До сих пор все их достижения заключались в обновленной версии ветряков, которых с каждым днем становилось все больше на верхних этажах небоскребов, и разработке дизелей, пригодных для эксплуатации на базе бесполезных теперь мобильных. Менталитет в первую очередь им надо поменять – микрочипы размером с булавочную головку сейчас приладить было некуда, а многие годы светлые головы ученых работали только в этом направлении.

– Когда я увижу результаты, Мейер? – Мортенс оперся кулаками на стол и нависал над сублильным ректором, словно скала. Стального оттенка серые глаза, светлые с проседью, сильно поредевшие на макушке короткие волосы, серый костюм с иголки – всем своим видом, включая выражение лица, директор СБА напоминал каменное изваяние. Не только внешне, но и манерами.

– Мы делаем все возможное, – ответил Мейер. – К сожалению, гении, способные изобрести очередную Новую Энергию, не рождаются каждый день.

– Но где-то же они есть! Не можете обучить собственных гениев, найдите в других местах. Транспорт я вас обеспечу.

Из противоположного конца длинного зала для переговоров послышался сдержанный кашель. Там в большом кожаном кресле сидел Пер-Андерс Койман, «главный верхолаз»

Анклава. После смерти Фадеева он занял вакантное первое место в сообществе владельцев корпораций.

– Мы обеспечим, – поправился Мортенс, услышав крик верхолаза.

Унизительная ситуация. У него связаны руки, без согласования с Койманом или кем-то другим, кого Пер-Андерс пришлет на очередное совещание, Мортенс шагу не смел ступить. Нет, он прекрасно понимал, что СБА всегда существовала на деньги верхолазов и для верхолазов. Но раньше, до Катастрофы, директор филиала мог распоряжаться средствами по своему усмотрению. Перед ним ставили задачу и ждали ее решения, а как ее решать, Мортенс вполне мог определиться самостоятельно.

Деньги верхолазы платили и сейчас. Только теперь деньги стали никому не нужной информацией, записанной на носителях уцелевших банков, или бумагой, которой спустя еще полгода-год можно будет смело топить печь. Потому что стоять эта бумага ровным счетом ничего не будет, а топить нечем уже сейчас.

– Какие у вас планы? – Вопрос адресовался Мейеру.

– У нас готовые проекты по модернизации зданий. Мистер Койман...

– Очень интересные проекты, поинтересуйтесь, Морти, – встрял Пер-Андерс.

Голос брюзгливый. Он, видите ли, недоволен отсутствием подвижек в отношениях с Британским халифатом. Хорошо,

хоть сегодня не явился Ли Сянь – вместе с Койманом они составляли дуэт, от игры которого у Мортенса возникало острое желание застрелиться. А что Мортенс мог противопоставить давлению официального Шеффилда? Университет обещал технологии, тот же Койман – строительную технику и медикаменты, а поставки постоянно срываются, оговоренные сроки не соблюдаются. И бандитизм... Но это, что уж там, проблема как раз юрисдикции СБА.

– Я ознакомился с ними, – стараясь убрать язвительность из голоса, сказал директор. – Проекты замечательные... в своем роде, – последние слова он пробормотал себе под нос: он ждал совсем других «замечательных проектов», весь Анклав их ждал, а получили «автоматизированную систему регулирования энергоресурса зданий» или что-то типа того. Курам на смех. – Но они требуют значительного финансирования. И снабжения. А пищевых фабрик всего две. Вы же, Пер-Андерс, обещали, что третью фабрику введут в эксплуатацию в августе, в крайнем случае – сентябре?

Койман и ухом не повел. Свои обещания он умел забывать начисто, не обращал он внимания и на напоминания о них. Но никогда не упускал шанса напомнить СБА, за чей счет безы получают ежедневный паек, электроснабжение в жилых районах хотя бы по часам и вообще – существуют.

Ситуация с Британским халифатом складывалась не самым лучшим образом – если бы геополитического соседа можно было поменять, Мортенс с радостью это сделал бы.

Арабская привычка вечно юлить и торговаться в сочетании с английской расчетливостью и прагматизмом доводили его до белого каления во время переговоров. После каждой встречи с эмиром Шотландии, который до сих пор никак не мог определиться, сколько точно гигаватт он может выделить Эдинбургу и что за это попросить, Мортенс как минимум на день выбывал из строя, мучаясь повышенным давлением. Что уж говорить про поездки в Шеффилд.

– Как бы то ни было, – продолжил Мортенс, обращаясь к Мейеру: не на Коймана же, в конце концов, спускать собак, – это все несерьезно. Нам нужно Большое Решение, понимаете? Большое с большой буквы «Б»!

– Но модернизация энергетической системы зданий позволит высоткам перейти на полностью автономное существование! – возмутился Мейер. – Или вам нравится ютиться в этом неотапливаемом каменном мешке?

Президент Университета демонстративно поежился. В Замке и в самом деле было прохладно. Нет, он, конечно, прав – автономное в энергетическом плане существование небоскребов – это тоже большое дело. Как минимум можно будет восстановить хотя бы часть жилого сектора, а это снимало проблему нехватки территорий. Но это не то, что Эдинбург мог предложить миру – с ветряками большинство государств справятся сами. Анклав не мог существовать без новых технологий, это основа его жизни. В Анклаве, по сути, ничего другого нет – только технологии и средства их материализа-

ции, то есть – производство.

Технологии у Университета были. Отличные и современные. Но они не удовлетворяли новым потребностям – сегодня не нужен невероятно сложный робот, способный самостоятельно отстроить склад из пластиковых панелей, потому что в большом дефиците были и пластиковые панели, и электроэнергия, с помощью которой этот робот работал. Нужно что-то принципиально иное. Что – вот этого Мортенс не знал, да и не его это забота. А Мейер который месяц разводил руками и рассказывал о ветряках.

Секреты, хранившиеся в сети Тринадцатого полигона «Науком», – вот что требуется сегодня Эдинбургу. Вот в каком направлении нужно в первую очередь работать умникам, разбирающимся в сетях.

– На сегодня у нас еще один вопрос, который необходимо обсудить, – решил сменить тему директор. – Филгорн, прошу.

Из-за длинного массивного стола, за которым принимались многие важные политические решения на протяжении нескольких сотен лет, поднялся полноватый мужчина с глубокой залысиной и короткими, стриженными ежиком волосами вокруг нее. Филгорну было немного за пятьдесят, но, несмотря на излишний вес, выглядел он моложе.

Шеф машинистов поправил задравшийся пиджак и начал:
– Дело в том, коллеги, – на последнем слове Койман, сидевший в диаметрально противоположном конце длинного

зала, отчетливо хмыкнул. Филгорн запнулся и стал неистово трепать левой рукой полу пиджака.

– Продолжайте, – отвернувшись к окну, сказал ему Мортенс. Он не хотел, чтобы участники совещания видели его недовольную мину: ему до чертиков надоело наблюдать, как его сотрудники – ЕГО! – то и дело заглядывают в рот Койману. Хмыканье Пер-Андерса значило для них больше, чем официальное распоряжение непосредственного начальника. Никакой субординации! Заглядывать или не заглядывать Койману в рот – его, Мортенса, дело! Уж от Филгорна не ожидал. Хотя машинист – известный рохля.

– Д-да, – заикаясь, согласился Филгорн. – В общем, у нас наметились некоторые проблемы.

Мортенс, разумеется, уже был в курсе этих неприятностей. Можно сказать, он узнал о них раньше самого Филгорна. По ряду причин. Но Койман был не в курсе. Это Мортенс понял по его вдруг взлетевшим вверх бровям. Ну, хоть чем-то его можно удивить, а то совсем, бедолага, скис. Неинтересно ему на совещании.

– Дело в том, что имеющиеся у нас мощности не позволяют наладить полное покрытие территории Анклава сетью. Маршрутизаторы перегружены, мы резко ограничены в использовании даже имеющегося оборудования из-за энергетического коллапса. Программное ядро нашей сети имеет множество дыр, устранить которые просто невозможно. Необходима полная замена, переход на совершенно иную ос-

нову – р-вирус Сорок Два надежно поселился в сети, и противоядие от него так и не создано.

Мортенс вздохнул. Недовольно вздохнул – никто из присутствующих не понял, о чем толкует Филгорн. Чертовы машинисты. Ну неужели нельзя разговаривать на нормальном человеческом языке?!

– Проще, пожалуйста, Дэвид. Мы... – начал директор, но не успел.

Кто бы мог сомневаться – встрял с предложениями Койман:

– Послушайте, Филгорн, что вы нам предлагаете? Сменить серверы, устранить р-вирус или заняться этими вашими маршрутизаторами? Вам не кажется, что это как раз ваша задача?

Пер-Андерс резко повернулся к Мортенсу. Аж привстал.

– Морти, ты меня удивляешь! Я не думал...

Директор закатил глаза, вздохнул и ударил кулаком по столу. Нет, сделал он это, конечно, мысленно. На самом деле Мортенс улыбнулся, стараясь изобразить максимум радушия, приветственно развел руки, словно собирался заключить разозленного Пер-Андерса в объятия и, не прислушиваясь к тому, о чем не думал Койман, громко и настойчиво пояснил:

– Дэвид хотел сказать, что сеть в том виде, в каком мы привыкли ее видеть, больше не существует. Восстановить ее не удастся даже с достаточным уровнем инвестиций.

В зале повисла тишина. Недобрая и гнетущая.

– Но появилась альтернатива.

Вздохов не было, но Мортенс мгновенно почувствовал изменение характера тишины. В ней появилось облегчение.

Директор выдержал паузу и через «балалайку» включил черный коммуникатор во всю стену, висящий между экспонатами коллекции древнего оружия.

«Новая сеть! Возможно ли такое?» – вещал с экрана мужчина. Артист не выглядел слишком броско: обычная, без особой укладки прическа, опрятная, но совершенно обыденная одежда. Его вид из всех сил кричал зрителю: «Я такой же, как вы! У вас может быть то же, что и у меня!»

«Возможно! Новая политика корпорации «Науком» даст возможность каждому пользоваться сетью уже сегодня. Космическая программа «Науком», рассчитанная на три года, позволит покрыть трансляцией всю территорию планеты, а с новой «балалайкой», – на фоне стремительно разворачивалась картина «покрытия планеты», а в руках мужчины появился индивидуальный чип сетевого подключения с мелкой, но отчетливой и очень заметной надписью «Науком» белыми буквами по черному корпусу, – вы можете выходить в сеть, абсолютно не опасаясь взлома ваших счетов. С новыми технологиями «Науком» ваша личная жизнь будет в полной безопасности!»

– Я это уже видел, – голосом, полным неприязни, произнес Койман.

– Разумеется, – согласился Мортенс, реклама на экране застыла, поставленная на паузу, – мы все смотрим новости и иногда попадаем на рекламу.

Мортенс не стал уточнять, что рекламу «балалаек» от «Науком» показывают почти исключительно во время серий самого разного содержания. Реклама рассчитана на массового пользователя, а не на верхолазов. Но раз Койман это уже видел... Морти улыбнулся, незаметно, только кончиками губ.

Собственно, то, чего Мортенс добивался, он получил. Теперь осталось нанести решающий удар. А потом на арену снова можно выпускать Дэвида.

– Я лишь хотел напомнить вам, господа, об этой технологии, – Мортенс сделал небольшую паузу. – Несколько дней назад мы получили предложение от москвичей о подключении Эдинбурга к сети нового формата. Все работы «Науком» готов произвести бесплатно, в том числе – они берут на себя открытие центра по продаже гаджетов, работающих в новом формате. Старый формат все их устройства также поддерживает.

Верхолазы молчали, в недоумении глядя друг на друга. Почему представители «Наукома» не связались с Койманом? Мортенс не знал. Возможно, в Москве, где безраздельно правил Мертвый, СБА считали основным игроком на поле Анклавов. И они, черт возьми, были правы!

– И вы считаете это выходом?! – взревел Пер-Андерс. От

глубины возмущения он даже перешел с Мортенсом на «вы», что с ним случилось впервые.

– Нам нужна сеть, – спокойно ответил директор. – Наша задача – обеспечить максимальную безопасность корпоративных территорий и создать наиболее благоприятные условия для развития бизнеса в Анклаве. Без тотального контроля хотя бы на корпоративных территориях мы этого обеспечить не сможем. Спокойные дни в Анклаве на исходе, думаю, все это прекрасно понимают. А вы не можете предложить нам ни технического, ни программного решения. Университет бездействует, потребляя треть всей поставляемой нам электроэнергии. Дэвид ведь доходчиво – как мог – объяснил, что проблему не устранить простой загрузкой нового антивируса. Сеть слишком погрязла в отбросах, принесенных туда тритонами. Ее не удастся вылечить, тем более в нынешнем плачевном состоянии.

– Но продаваться «Наукому»!.. Это же чистой воды самоубийство! Я не могу позволить, чтобы москвичи рылись в нашей сети!

Вот оно! Замечательно! Расчет сработал верно. Теперь время выпускать Дэвида. Только бы он больше так не мямлил.

– Дэвид, обрисуйте перспективы.

Филгорн снова поднялся. Мортенс с удовольствием отметил, что Дэвид больше не дергает пиджак. Он поднял руки и начал говорить, активно помогая себе жестикуляцией. Эту

речь они с директором репетировали трижды.

– Нами разработано новое программное обеспечение, которое позволит проводить проверку соответствия индивидуальных чипов подключения ежедневно и сменить управляющий сетевой протокол.

Стройную речь главного машиниста Анклава прервал, конечно же, Койман:

– Объясните человеческим языком, что все эти смены протоколов позволят нам получить.

Филгорн на секунду запнулся и сморщил губы – говорить о сети «человеческим языком» он не любил.

– В общем, модернизация сети собственными силами позволит полностью интегрировать в нее все структуры Анклава. Плюс мы получаем тотальный контроль над всеми операциями и гарантированную защиту от вторжений извне. Во всяком случае, на какое-то время.

– А связь с общей, планетарной сетью? – Это был Мейер.

– Подключение возможно, однако все сообщения должны будут пройти через конвертер СБА. Как вы понимаете, это не позволит кому попало воспользоваться ценной информацией, хранящейся на наших серверах.

– Но ведь это подрыв устоев Анклавов, – сказал Койман. Тон верхолаза не был возмущенным, скорее задумчивым. – Анклавы всегда были свободной зоной, никакой цензуры...

– Именно поэтому вы, Пер-Андерс, обращались в СБА с просьбами разузнать... – договорить Мортенсу Койман не

дал.

– Я понимаю, сегодня другого выхода нет. Насколько велики наши плюсы?

Интересно, он на самом деле не понимает или просто хочет услышать мнение СБА?

– Мы имеем контроль собственных территорий, – Филгорн начал загибать пальцы, – постепенно восстановим контроль над большей частью сделок на территории Анклава, как это было раньше. В конце концов, мы получим нормальные коммуникации и возможность пользоваться данными со всего мира.

– Вы считаете, мир станет делиться с нами? – с легкой усмешкой на губах спросил Пер-Андерс.

– Р-вирус никто не отменял. Мы сделаем неуязвимой нашу сеть, но остальные – те, кто еще не успел перейти на формат, пропагандируемый «Наукомом», останутся с прежними проблемами, – объяснил Мортенс.

В зале для совещаний повисла тишина. Было только слышно, как Койман стучит ложечкой о край чашки с кофе.

Мортенс едва заметно кивнул Филгорну – нужно продолжать.

– Мы подготовили проект и начали внедрение. – На коммуникаторе появилась сложная схема, похожая на лабиринт тонких разноцветных линий, вписанных в карту Анклава. Дэвид управлял картинкой со своей «балалайки». – Здесь вы видите зоны покрытия уже установленного оборудования.

Все маршрутизаторы автономны и требуют лишь периодического подключения к электричеству.

– Вы хорошо подготовились. Похвально, Морти, – Койман почти улыбался. Мортенс легко кивнул с излишней, немного карикатурной учтивостью. Он надеялся, что его вложения окупятся. Еще он надеялся, что Койман не станет спрашивать, почему в разработке проекта не принимали участия специалисты из его «МегаСофта».

Картинка на коммуникаторе сменилась. Карта осталась прежней, но цвет и расположение линий стали другими.

– Этот проект – существующая на сегодня система покрывает все корпоративные территории, часть Лейта и территории Sway. На очереди Муслим, Оксганс и Punkground. Когда мы полностью замкнем периметр, к нашему вещанию смогут подключаться окрестные фермеры.

Койман согласно кивал.

– Морти, ты наверняка оставил фермерам привилегию бесплатной загрузки обновлений для «балалаек»? – спросил он. – А что скажет на это наш дорогой эмир? Я уж не говорю о ребятах из Шеффилда.

– Шеффилд далеко. А с эмиром мы как-нибудь договоримся. Особенно, если, – короткий взгляд в сторону Мейера, – мы сможем поделиться с ним полезными технологиями. Эмир очень заинтересован в генетических исследованиях. Устойчивость к радиации – основная тема. «Рабы недолговечны», – так он сказал. И потом, мы не планируем аннек-

сировать часть эмирата Шотландия – свободный выбор свободных людей. Законы шариата нарушать мы тем более не планируем.

По этому направлению промашек быть не должно: люди настолько привыкли к повседневному подключению, что его отсутствие превращало их почти в инвалидов. Мортенс был уверен, что за возможность пользоваться полноценной сетью фермеры с готовностью пойдут на сотрудничество и снижение оптовых цен.

– Что вам нужно для реализации проекта? – спросил Койман. – Специалисты «МегаСофт» с радостью помогут.

Вот и началось. Ну что ж, для специалистов «МегаСофт» тоже найдется фронт работ. Вдали от главной цели проекта.

– Будем только рады, – улыбнулся Мортенс. – Но хотелось бы поговорить об инвестициях.

– У вас есть смета?

Вот это уже деловой подход. Мортенс кивнул Дэвиду, и смета появилась на экране. Кто-то из верхолазов хмыкнул.

– С материальным обеспечением мы вполне справимся, – сказал Оле Ульссон, владелец корпорации, которая сегодня являлась основным производителем дизелей. – Но энергетические затраты... Где мы возьмем такой ресурс?

Справятся они! Конечно, справятся, особенно если учесть, что почти половину работ технический отдел СБА уже выполнил. А ресурс – сегодня был только один путь его обеспечить.

– Необходимо уменьшить потребление электроэнергии на корпоративных территориях, не занятых непосредственно в производстве.

Это был удар для верхолазов – фактически Мортенс предлагал обрезать электричество в их домах. А также в нескольких развлекательных центрах, на улицах элитных, наглухо заблокированных бегами районов восточного Даун Тауна.

– Я не случайно показал рекламный ролик «Наукома», – сказал директор. – Нам необходимо спешить: если «Науком» внедрит свои технологии в Британском халифате раньше, чем успеем мы, план не сработает. Пока и в Глазго, и в Шеффилде согласны с моим мнением относительно «новых технологий» москвичей, *пока* они лояльны к нам и, может быть, даже будут участвовать в нашем проекте. В будущем. Но бесплатный сыр манит, даже если он в мышеловке.

– Мы все понимаем, – сказал Койман, перебив открывшего было рот Ульссона. – Продолжайте подключение точек. Соответствующее финансирование вы получите. И своих программистов я к вам тоже пришлю.

Сегодня Бойд надел свой килт – настоящий, с красно-желто-зеленым тартаном лордов Килмарнока. На коленях Шотландца лежал парадный спорран² из натуральной кожи, украшенный частью волчьего хвоста, оттяпанного от живого волка, не какая-нибудь синтетика. В этой одежде он чувствовал себя уверенней и, как ему казалось, заставлял врагов трепетать, а друзей восхищаться. Лохлан не разделял подобного оптимизма Шотландца на предмет влияния на окружающих клетчатой юбки и массивных кривых ног, поросших рыжеватой шерстью, что торчали из-под нее. Но что-то притягивающее внимание и заставляющее по-иному смотреть на Бойда в этой одежде определенно было.

Ланг Ши на фоне Шотландца смотрелся тускло, если не сказать – убого. Невысокого роста, субтильный, с короткими, стриженными почти под ноль волосами, китаец был одет в измятую серую куртку неизвестного происхождения с высоким воротником, брюки цвета хаки и обут в жуткого вида, растоптанные туфли, которым скорее бы подошло название тапочки. Лидер сегодняшних Триад, управлявших

² **Спорран** – поясная сумка-кошель, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке. Исторически использовалась для хранения всяких мелких вещей или в качестве кошелька, поскольку у килта или большого пледа отсутствуют карманы.

на лояльной к СБА территории Sway, старался выглядеть неброско и вообще – всеми силами соответствовал наступившей эпохе. Он сидел в кресле и расслабленно потягивал чай, предложенный хозяином. Настоящий, китайский, оставшийся из прошлой жизни.

Справа от Ланг Ши расположился грузный мужчина, который внимательно слушал каждое слово, сказанное на переговорах. От чая он отказался.

Машиниста, которого привел с собой китаец, оставили за дверью, в небольшом помещении, бывшем до Катастрофы офисом приема рекламаций. На колени, облаченные в тщательно выглаженные черные костюмные брюки, молодой машинист тут же поставил «раллер». Тонкий проводок психопривода он сразу подключил к «балалайке» и закрыл глаза, откинувшись в большом кожаном кресле. На фоне сублинного китайца черное директорское кресло, взятое из мебельного отдела, казалось огромным. Указательный палец правой руки китайца выписывал стремительные пируэты на полированной поверхности столика, который стоял сбоку от него. Машинист Ланг Ши обеспечивал прикрытие в сети. Так объяснил высокий гость.

За «прикрытием» следила Лиса, которая вообще не показывалась на переговорах, оставшись в рабочем кабинете Шотландца, то есть – на бывшей концертной площадке в центре здания.

А Лохлан, занявший позицию в отдалении, за спиной Бой-

да, оценивал общую обстановку. Он сидел, сцепив пальцы и поставив на них подбородок. Со стороны могло показаться, что ему совершенно неинтересно, о чем здесь говорят. Но Лохлан понимал, что Ланг Ши – не тот, кто в подобную уловку может поверить. Просто ему было удобно так сидеть. «Балалайки» всех четверых переговорщиков по старой традиции лежали на полированном столе в центре зала.

– То есть вы не хотите распространять свое влияние на территории Британского халифата, располагающиеся к югу от вас? – не то спросил, не то констатировал Бойд.

Китаец поерзал в кресле, усаживаясь поудобней, радушно улыбнулся и ответил:

– Разумеется, мы рассматривали такой вариант. Однако сегодняшнее положение не самое выгодное для масштабных действий. У нас не те силы.

– Но нынешнее положение дает нам массу возможностей. Вы не находите, что ими стоит воспользоваться? – гнул свою линию Бойд.

Ланг Ши смиренно кивал и улыбался. Было ясно, что от него ничего не добиться – Триады умывают руки и лезть поперек СБА не собираются. Ни открыто, ни опосредованно. Sway был единственной некорпоративной территорией Эдинбурга, практически полностью подконтрольной безам. СБА старалась: через Sway протянулась основная магистраль, ведущая в Глазго. Там же, за границами заселенной зоны, располагался транспортный узел Роберта Стейна – по-

что бездействующий сейчас, но остающийся важным стратегическим объектом и будущим Анклава. И, кроме того, именно на территории Sway находилась тщательно охраняемая безами распределительная подстанция, от которой в Даун Таун и Thunderhall поставлялась почти половина всей электроэнергии.

Бойд не призывал Ланг Ши к захвату подстанции. Было ясно, что с безами китаец старается дружить. Но вопрос, который не был задан, но который обсуждался здесь, стоял во невмешательстве Триады в попытки клана отстаивать свои интересы в Sway.

Китайцы ушли. В сотый раз были оговорены и разделены сферы влияния, выданы заверения во взаимном уважении и поддержке. Но главного так и не удалось достигнуть: Ланг Ши ясно дал понять, что будет защищать все, что находится на его территории, наравне с безами.

– Что ты думаешь? – спросил Бойд у Лохлана.

Флетт опустил руки и легонько пожал плечами:

– По-моему, ты теряешь с ними время.

– Я это понимаю, – согласился Бойд, – но слишком уж лакомый кусок этот их Sway.

Лохлан улыбнулся.

– Не ты один это понимаешь, – сказал он. – Мортенс тоже не дурак: в Sway безы дежурят постоянно.

– Это не корпоративная территория, – возразил Бойд. Хотя он прекрасно знал расклад сил, от спора удержаться не

мог.

– Но тебя туда не пустят. Ни тебя, ни твоих ставленников. Ты же понимаешь, у них...

– Ты не прав, – перебил Лохлана Шотландец. Его лицо приобрело серьезность. – У них есть меры воздействия, есть информация. Но СБА уже не та мощная структура, которую было не пошатнуть всем кланам, вместе взятым. Теперь это всего-то несколько сотен ребят, прячущихся на нижних этажах «Иглы». И сеть у них полна дыр.

Лохлан, прикусив ноготь большого пальца, внимательно смотрел на Бойда. В его умную профессорскую голову пришла какая-то мысль. Шотландец уставился на своего аналитика – профессора социопсихологии, почему-то решившего оставить место на кафедре, квартиру в кампусе Университета – корпоративной территории, на которой имелось частичное электроснабжение и работала сеть – и перешедшего на сторону Бойда. Сам Флетт вроде бы знал, почему поступил именно так – ему не нравились государства, не нравились и Анклавы, а Бойд, сильный и расчетливый лидер, стремился изменить устои мира, которые давно уже стали для него обузой, а не спасением. Но Шотландец привык все подвергать сомнению.

– Бойд! – Лохлан выставил вперед указательный палец, глаза его горели: мысль сформировалась, теперь он был готов высказать ее. – А ты никогда не думал о том, чтобы занять место СБА?

Шотландец на мгновение замер, не понимая, о чем говорит этот рыжий парень с докторской степенью за плечами. Заменить СБА? Но как это может быть? Безы были всегда, они «держали» Анклав. У каждого клана своя территория, каждый «крышует» свой район. Но СБА – это гигант, наделенный властью, полномочиями и, в конце концов, реальной силой. Занять место СБА – это все равно что капле мечтать о том, чтобы вытеснить из его ложа океан.

– О чем ты говоришь?! – недоуменно произнес Бойд, но он уже успел осознать то, что предлагал Лохлан.

– Что такое СБА? – Флетт любил задавать вопросы, наводя собеседника на нужные мысли. Скорее всего эта привычка выработалась в работе со студентами.

– Служба Безопасности Анклавов, – машинально ответил Бойд. – Но ты же не хочешь сказать, что отобрать власть у безов реально?

– Подожди. В каких Анклавах ты бывал?

– Во Франкфурте, в Цюрихе, в Марселе, – Бойд не понимал, чего хочет от него Лохлан.

Флетт помотал головой – Бойд сказал что-то не то.

– Я имею в виду – в каких Анклавах ты бывал после Катастрофы?

– Ни в каких, – удивился Бойд.

За эти полтора года он лишь однажды ездил в Глазго. Агломерация, бывшая самой крупной после столичного Ландабада, сегодня произвела на Бойда гнетущее впечатление:

нищета, разруха, глубокий упадок. И смерть – везде и во всех проявлениях.

– В том-то и дело, – удовлетворенно кивнул Лохлан. – СБА больше нет. То, чем управляет господин Мортенс, Службой Безопасности Анклавов, по сути, уже не является. Это просто мощная группировка, ничем не лучше твоей. Да, ей в наследство досталась техническая база бывшей СБА. Но наследство это сильно потрепано.

– У них банально больше оружия, – возразил Бойд.

– А люди?

– Наш клан насчитывает около двухсот человек.

– А ты думаешь, сколько безов? Сейчас, когда они не выходят за пределы корпоративных территорий, когда в двухсотэтажной «Игле» еле-еле функционируют только семь этажей? Ты думаешь, безы настолько уплотнились? – Лохлан сам усмехнулся своей шутке.

«Странно, – подумал Бойд, – а ведь он никогда не придавал этому значения. Нет, дело, конечно, не ограничивалось одной «Иглой», СБА отхватила себе изрядное количество старинных построек Даун Тауна, в которых можно смело гадить в сортирах, не опасаясь за отключенный в подвале насос, способный засосать даже слона, буде таковой попадет в канализацию. Но весь центр Даун Тауна – Ньюингтон – не шел ни в какое сравнение с огромным, километровой высоты небоскребом. При таких объемах штат им пришлось уменьшить вдвое, если не втрое.

А ведь это реальный шанс – не только уменьшившаяся численность безов, недовольные и обиженные, оставленные без сытного пайка, брошенные умирать – уволенные безы: вот реальная сила, которая пойдет за ним».

– Ты имеешь большое влияние не только в Скотланд-Ярде, – напомнил Лохлан. – Но главное, что нужно понять: власть безов сегодня – это миф. Верхолазы платят им, как уличные торговцы или фермеры платят тебе. Ни больше ни меньше.

Бойд усмехнулся. Понятно, что верхолазы платили куда больше, чем Бойд мог себе представить.

– Власть вообще штука эфемерная, – продолжал Лохлан. – Часто кому-то подчиняются лишь потому, что привыкли подчиняться именно этому лидеру. Бандитами становятся зачастую те, кто знает, что в их родном районе все становятся бандитами. Подражание соседям, привычкам и воззрениям предыдущих поколений – вещь очень сильная. Ее трудно перебороть. Это тоже своего рода Традиция. Верхолазы привыкли, что их охраняет СБА, поэтому они платят Мортенсу, не сильно задумываясь, что Мортенс давно уже не работает в СБА.

– Ты предлагаешь убедить верхолазов, что я для них лучше Мортенса? – спросил Бойд. Вопрос был задан с сарказмом, но в голосе Шотландца уже слышались решительные нотки: идея ему понравилась.

– Ты считаешь, это невозможно?

Бойд задумался. Надолго. Он несколько раз прошелся из одного конца пустого зала, бывшего некогда торговым павильоном центра бытовой техники, в другой и остановился у нарисованной на бетонной стене карты Эдинбурга.

Внезапно открылась дверь. Бойд и Лохлан вздрогнули от неожиданности. В открывшемся проеме показалась лысая голова Лисы.

Машинистка вошла, плотно закрыв за собой дверь, и утвердительно кивнула Бойду.

– Безам? – спросил Шотландец.

– Им, родимым, – подтвердила Лиса. – Я не поняла, где у него микрофон. Возможно, сигнал транслировался напрямую с барабанных перепонок того толстого парня, что сидел тут с Ланг Ши. Тонкая работа, сейчас за такую операцию ни один пластик не возьмется.

– В распоряжении безов Университет, – напомнил Бойд. – И потом – этот парень не вчера родился. Что ушло в эфир? – Все.

Шотландец кивнул. Собственно, на такой исход он и рассчитывал – теперь не придется распространять слухи, этим займется Ланг Ши.

– Хорошо.

Безы узнают то, что им и положено знать: Бойд все так же представляет реальную силу, он активен и хочет расширяться, но на рожон не лезет. И в Sway его действий безы теперь не ждут.

– Теперь безы знают, что ты оставишь южные окраины в покое, что с того? – поинтересовалась Лиса.

– Раньше это не имело большого значения, – как-то мрачно заявил Бойд. – Теперь они уверены, что за пределы Оксганса я не полезу. Это хорошо. А ты, Лохлан, прав: убедить верхолазов, что мы лучше СБА, вполне по силам. А, Лиса, что скажешь?

Ломщица, не слышавшая предыдущего разговора, недоуменно посмотрела на Шотландца, но все равно решительно кивнула.

Тони пряталась в высокой траве на пригорке уже шестой час подряд. Всматриваться в колышущееся над горизонтом жаркое марево, поднимающееся в небо от дорожного полотна, ей давно надоело. Сухие серо-желтые стебли высокой травы назойливо щекотали левую щеку. Было жарко – непривычно жарко для этих мест.

Насколько Тони знала, в этих краях в сентябре обычно погода теплом не баловала. Но не в этом году. На юге, на пляжах Марселя, где она любила отдыхать после выполненных заказов, такая погода была в порядке вещей. Но здесь не Марсель. Далеко не Марсель. В Эдинбурге море совсем другое – никакой тебе лазури, только темная вода, по большей части укутанная белыми бурунами. Даже летом, в редкие периоды сильной жары, желания искупаться начинающая цвести акватория Ферг-оф-Форга не вызывала. Вот Марсель – это то, что надо... То, что *было* надо, теперь никакого Марселя, говорят, не существует.

За воспоминаниями о море Тони едва не пропустила то, что ждала – из-за невысокого пригорка показался несущийся метрах в пятнадцати впереди основной колонны джип сопровождения. Им займутся другие.

Работать теперь приходилось самостоятельно. Никакого прикрытия из сети, как в старые добрые времена. И кой черт

принес ее на эти галеры? Особенно если вспомнить, какой заказ ей пришлось выполнить за пару дней до того, как земная кора задергалась в эпилептическом припадке. Тони была dd, заказы поступали самые разные. Но вот уехать отсюда она теперь не могла – должок оставался. И отдать его, судя по всему, придется.

Тони стремительным движением прижала приклад винтовки к плечу, от неожиданности действий едва не упустив ее. Все-таки жара – погода для отдыха на море, а не для работы. Разморило и расслабило. Пот заливал глаза и не давал выхватить из хаоса мельтешащей травы цель. Тони моргнула несколько раз и увидела грузовой мобиль, а палец легонько дернул курок.

Свою винтовку dd знала наизусть. От основания приклада до кончика ствола. Каждую царапину на ее титапластовой поверхности. Она ежедневно смазывала и перебирала оружие, хотя пользоваться им приходилось не так уж часто. Отличная винтовка, сейчас такую не достать – СВУ-14МА производства «Наукома».

Мобиль взвизгнул покрышками и дернулся вправо. Потом, сбросив на короткое мгновение скорость, выровнялся. Понятно – абы что здесь не гоняют, сработала система подкачки шин. И никакой это на самом деле не мобиль – в горячих недрах стандартного «Вольво Титан» стоял вовсе не стандартный четырехкатушечный электродвижок, а мощный дизель, рокот которого был хорошо слышен еще с минуту

назад. Просто Тони его прозевала.

Но теперь она пришла в себя. Жара больше не мешала, Тони слилась с винтовкой в единое целое, они были словно любовники, в пылу страсти отдававшиеся друг другу. Тони очень любила оружие. Она любила стрелять.

Джип, проскочивший вперед, дал очередь по кустам, но скорости не сбавил. Правильно действуют, шельмецы: если остановятся – секунды их жизни сочтены. Собственно, они сочтены в любом случае, но так парни протянут немного дольше. Может, на полминуты, может, даже на целую. Они же не виноваты, никто не виноват. Просто так сложилось. Ничего личного.

Следом за первым грузовиком на перегоне между двумя маленькими озерцами, в прибрежных зарослях одного из которых и сидела Тони, появился второй. По нестройному рычанию моторов понятно, что сейчас появится и третий. А за ним еще один джип. Или сегодня джипов будет больше?

Тони вернула в перекрестие прицела борт первого грузовика. Колесо – выстрел, дверь, батареи Ллейтона, контакты... Нет, нет. Тони чертыхнулась про себя и вернулась назад – не было у этого «Титана» никаких батарей Ллейтона, вместо контейнера для аккумуляторов под брюхом грузовика висел большой, с бочку размером бак, наверняка только наполовину заполненный дизельным топливом. Остальное он успел сжечь по дороге с севера.

Вон там, сразу перед баком, еле видна за крылом тонкая

металлическая трубка. Выстрел, еще один. Первая пуля срикошетила, чиркнув по белому крылу грузовика, но вторая попала точно – топливная трубка лопнула, и на дорогу полилась драгоценная солярка. Тони поморщилась бы от досады, что пришлось потратить лишнюю пулю, но была вынуждена замереть, удерживая в прицеле зону обстрела. Выстрел в черноту крыши – «Титан» резко прыгает вправо, колесо выворачивается, на мгновение приоткрывая внимательному взгляду снайпера дублирующую систему подачи топлива, – выстрел, очередная порция солярки пачкает асфальт.

Компьютер грузовика, и так до предела напряженный необходимостью управляться с непривычным ему двигателем внутреннего сгорания, наверное, сейчас совсем с ума сходит, пытаясь понять, куда делось топливо. Подкачать колесо он, конечно, может, но делать это со все возрастающим количеством отверстий в крышке заметно сложнее, чем с обычным проколом. Еще несколько метров, и инерция закончится, грузовик встанет мертвой тушей. Это проверенный факт – технологи на заводе в Эдинбурге не додумались оставить хотя бы одну резервную катушку и пакет батарей Ллейтона. Скорее всего в следующий раз такой номер не пройдет – не совсем же они дураки, наверняка исправят конструктивный недостаток. Но это в другом караване. До него еще дожить надо.

Массивный «Титан», жуя перекосившуюся крышу, съехал на левую полосу, почти полностью перегородив длин-

ным прицепом плотно дороги, ограниченной в этом месте стальными отбойниками. Скорость стремительно падала, все медленней и медленней грузовик полз к металлическому заграждению. Тони выпустила еще несколько пуль по колесам, стараясь поставить огромную тушу фуры в нужное положение. Все, стоп. Следующие два «Титана», как по команде, остановились, им не протиснуться в оставшийся между огромным прицепом и заграждением проход.

И в этот момент из-под поверженного «Титана» вырвался сноп желтого пламени.

Вообще-то солярку не так уж легко поджечь. Тем более пульей. В грузовике не то замкнуло что-то, не то парам вылившегося на асфальт топлива хватило температуры разогретой, словно печь, выхлопной трубы, но очаг быстро увеличивался, норовя перекинуться на закрытую фуру. Это в планы не входило – груз должен остаться целым, иначе – для чего все затевалось?

Джип сопровождения уже никуда не ехал. Безы развернули машину, поставив ее поперек, и стреляли сразу из двух «ревунов» во все, что считали подозрительным. Скоро вокруг места, где они остановились, образовалась заметная брешь в окружающей дорогу лесополосе.

Водитель грузовика остался цел. Он вывалился из охваченной пламенем двери и быстро ковылял по направлению к джипу. Тони следила за его променадом через оптический прицел. Стрелять? Нормальный вроде мужик.

Водитель на мгновение замер – едва заметно. Но этого было достаточно, чтобы опытный глаз dd учуял неладное. Палец придавил кончик курка. Осталось лишь нежно погладить металл спускового крючка, и тяжелая пуля понесет смерть этому человеку.

Предчувствия не обманули Тони: мужик резко вскинул руку, намереваясь ткнуть пальцем в направлении снайпера. Заметил, значит. Ну, тогда извини – СВУ коротко кашлянула, и водитель упал, так и не успев вытянуть палец.

Значит, надо менять дислокацию. Засиделась она здесь – черт, как неудобно, когда за твоей спиной нет машиниста, который все видит и может просчитать развитие ситуации на несколько шагов вперед, пока ты стреляешь, а потом бежишь. Хотя на самом деле с момента первого выстрела прошло не более двадцати секунд. Тони давно заметила – когда она стреляла, время не значило для нее ничего. Оно текло с такой скоростью, какой требовала ситуация в каждый момент.

Тони закинула винтовку на плечо и быстро поскакала вниз, туда, где еще весной было небольшое озеро. Сейчас вода почти полностью пересохла, в зарослях высокой травы и камыша оставалась только густая черная грязь, глубиной выше пояса. Стараясь не провалиться в топь, dd осторожно, раздвигая стволом винтовки камыши, выбралась на насыпь с другой стороны. В этой точке она была почти напротив джипа.

Безы уже перестали палить из всех стволов. Двое, облаченные в легкую броню бойцов, пригибаясь, ковыляли в стороны от дороги. Один из них пер почти точно на Тони.

Dd знала все слабые места и «аранчи», и «пингвина» наперечет. Одна беда – их было немного, а без двигался слишком быстро. Профессионал.

Сердце Тони бешено билось в груди. Группа захвата, казалось, запаздывает. Так и грузовик весь сгорит, не успеют сбить пламя. Но главная проблема касалась лично Тони – несущийся прямо на нее без. Хорошо защищенный и вооруженный до зубов, а главное, готовый к атаке. Странно, что он до сих пор не заметил...

Заметил. Замер и вскинул руки, в каждой по «дрели». Разумом Тони понимала, что прошла пара секунд с тех пор, как она заметила безов, бегущих от джипа. Но разум сейчас был далеко, сейчас голова dd работала, как «раллер», полный жужжащих, словно рой пчел, «поплавок».

Неожиданно для себя Тони обнаружила, что смотрит на беза через окуляр прицела. Боец двигался слишком быстро, чтобы можно было послать пулю точно в сочленение защиты груди и рукава – там тонкая ткань кевлара, с такого расстояния усиленные пули СВУ Тони прошивают ее с легкостью. Но теперь без застыл, целясь в снайпера. Дуэль, длящаяся доли секунд – кто быстрее, чей выстрел точнее найдет цель?

Тони почувствовала, что палец, лежащий на спусковом крючке, уперся в теплый металл. Пятнистое хаки «саранчи»

беза мелькнуло за перекрестием прицела и уступило место ярко-голубому.

Наверное, у беза стоял стрельбовой комплекс. Тепловизор стоял точно – глазами он вряд ли заметил бы Тони, прячущуюся за плотной стеной камыша. Но dd оказалась быстрее, тем более что стрельбовой комплекс в ее «балалайке» вряд ли сильно уступал программе СБА. Только сейчас, опустив винтовку и скрывшись за холмом, она поняла, как сильно испугалась. Сердце стучало в висках, дыхание сбивалось. Очень хотелось жить. Наверное, именно поэтому руки не дрожали – сегодня еще придется стрелять.

Так и есть – у дальнего джипа нерешительно мялась тройка безов. Тоже в «саранче». Нерешительность – главный враг бойца. Ни один из них не успел даже заметить, что работает снайпер. Тони положила их тремя короткими выстрелами с интервалом меньше секунды.

Сверху, со стороны дороги, слышались нервный отрывистый кашель автоматов, ответный визг дрелей, два раза ухнуло – ребята не церемонились, к наукомовской ракетнице было еще достаточно снарядов. Буквально на пару секунд в отдалении слева загрохотали «ревуны» и тут же смолкли – перекрычать ракеты им не под силу. Шурша сухими стеблями, в лужу грязи, бывшую озерцом, улетело дымящееся колесо джипа. Тони едва успела увернуться.

Все кончено. Наверху слышались одиночные выстрелы – добивали раненых. Больше ей здесь делать нечего. Тони по-

ставила винтовку на предохранитель и, стараясь избегать открытого пространства – мало ли какие у безов остались возможности: спутники, поди, крутятся на своих орбитах, им-то землетрясения нипочем, – пошла домой.

Грандиозность планов Бойда потрясала. Не бросая прежние дела, он развил такую бурную деятельность, воплощая в жизнь сложную многоуровневую комбинацию, что из-под подошв его ботинок разве что дым не шел. Лохлан любил такого Бойда и боялся одновременно. Он был уверен, что схожие чувства к Шотландцу испытывают многие – оказаться в такой момент у него на пути без ущерба для здоровья не получилось бы. Но посмотреть, что из этого выйдет, очень хотелось.

Лохлан жил в двух кварталах от «Роял Скотс», в старом двухэтажном особняке. В доме постоянно было полно людей – особняк принадлежал Бойду, и использовали его как перевалочную базу. Сегодня было спокойно – Шотландец отправил людей договариваться, искать подходы, завоевывать новые территории.

Сам Бойд теперь редко бывал в «Роял Скотс», постоянные разъезды и непрекращающиеся деловые встречи стали нормой жизни. Но мало кто знал, что он делает конкретно. Большинство считало, что Шотландец решил разделаться со всеми, кто не желал ложиться под его клан. Отчасти это было правдой – но лишь отчасти. Всю правду знали всего несколько человек. И Флетт был одним из них.

Личным пространством Лохлана в этом доме были толь-

ко две комнаты на втором этаже. Та, что выходила в общий холл, считалась чем-то вроде гостиной и рабочего кабинета. Дальнюю комнату, в которой во время сильных дождей постоянно текла крыша, Флетт использовал в качестве спальни – там было относительно тихо и иногда удавалось выспаться.

На полу в стенном шкафу лежал небольшой титапластовый кейс. На нем обычно навалено разнообразное барахло, но сейчас кейс вытасчен из-под горы вещей и открыт.

«Балалайка» в кармане – Лохлан всегда вынимал ее перед тем, как достать кейс. Он не знал, зачем, но был уверен, что поступает правильно.

Внутри кейса было устроено несколько небольших закрытых ячеек с номерами. На каждой наклеена бумажная лента, на которой от руки выведены слова, написанные латиницей. Лохлан внимательно перечитал все надписи. Набор букв, не имеющий никакого смысла. Он сам написал их, в этом он был уверен – собственный почерк Лохлан узнал легко. Но ни смысла этих надписей, ни того, как и когда написал их, Флетт не помнил. Однако сделал он это, вероятно, неспроста: всякий раз, когда он читал эти бессмысленные строчки, внутри зарождалось четкое понимание того, какую из ячеек нужно открыть.

Сегодня подходили две – с номером два и третья. Но Лохлан сомневался, настал ли момент. Он, помешкав несколько секунд, открыл ячейку, подписанную короткой фразой: «*ihnins vespen rea*».

Флетт неоднократно задумывался над тем, откуда у него этот кейс, что означают странные слова и, самое главное, почему их прочтение подсказывает его подсознанию, что нужно делать. Но ответа не находил. Понятное дело, что все это какое-то значение имело, но, что самое интересное, неизвестность не вызывала ни малейшего удивления. Лохлан воспринимал этот странный обряд, который время от времени производил с содержимым кейса, как нечто само собой разумеющееся. И более того, он совершенно не помнил о том, как и когда использовал кейс в прошлый раз.

Пальцы поймали небольшой серый цилиндрок, помеченный белой двойкой. Сегодня – этот.

Лохлан убрал кейс и спустился вниз. В доме никого не было, кроме Лисы. Девушка сидела в гостиной на диване с открытым «раллером» на коленях и что-то набирала на клавиатуре. Проводок психопривода тянулся к «балалайке», но, судя по ритмичным подергиваниям головы, в данный момент Лиса просто слушала музыку.

– Колдуешь? – спросил Лохлан, войдя в комнату. Цилиндр с двойкой лежал в кармане пиджака.

Лиса, похоже, держала весь дом под контролем. Возможно, даже окрестности. Лохлан знал, что на лестнице, в коридоре и при входе в гостиную стояли камеры, и машинистка явно была в курсе о приближении Флетта. Она не вздрогнула и не удивилась его появлению, даже не перестала качать головой в такт неслышной Лохлану музыки и глаз от экрана

не оторвала.

– Творю, управляю миром посредством Цифры, – ответила Лиса.

– Как успехи?

– Переменные.

– Что нового в мире?

Лиса сделала неопределенный жест рукой, как бы показывая на воздух. Ну да, действительно, Лохлан мог и сам посмотреть новости – локальная сеть, созданная ломщицей, пускала всех. Одна беда – «балалайка» в кармане.

Лохлан включил большой коммуникатор, висящий на стене. Лиса не обратила внимания на эту странность. А может быть, ей было все равно – она сама не видела иного общения с миром, чем посредством «балалайки» и «раллера», в ее представлении остальные люди – не нейкисты – были инвалидами. Машинистка верила, что Цифра сделает людей свободными, позволит воспарить над миром, растворившись в двоичном коде. Возможно. Лохлан не разделял ее веры, но возражать не имело смысла. Пока, во всяком случае, людям приходилось барахтаться в собственном дерьме, стараясь удержаться на вдруг решившей размяться планете. Слишком уж человек отдал ей все.

Лохлан поискал новости. Первым попался европейский новостной канал. Скорее всего – баварский: диктор говорил на немецком. Коммуникатор попытался включить автоматический перевод. Лохлан прекрасно понимал немецкий, а вы-

нужденная двухсекундная задержка раздражала, поэтому он тут же дал отбой. Вручную.

Рассказывали о тяжелом положении в Швейцарском конфедерате, о продолжающейся эвакуации людей из приграничного с Францией кантона Женева, где уровень радиации превышал все возможные пределы и день ото дня продолжал расти. Близ Оиона, на территории взорвавшейся АЭС, радиационный фон был столь высок, что выяснить причину роста уровня радиации не удалось – спутник давал лишь общую картину, а посланные в зону аварии роботы вышли из строя спустя несколько минут из-за электромагнитных наводок.

Корпорация «Науком», по сообщениям европейского агентства новостей, заканчивала монтаж опорных башен с ретрансляторами в Эль-Париже. Скоро столица Европейского Исламского Союза должна перейти на новый формат вещания – более безопасный, более быстрый и менее энергоемкий. По заверениям службы радиочастотного контроля Баварского султаната и лично ведущего новостей, частотный диапазон устройств, предоставляемых в бессрочную аренду корпорацией «Науком», полностью соответствует европейским нормативам и стандартам. Однако администрация султана выражает озабоченность необходимостью...

Озабоченность они выражают! Лохлан усмехнулся – правильно выражают, чувствуют бесплатный сыр, но подвоха не находят. Человек настолько привык к обману, что не может поверить в жест доброй воли. Ни за что – взять что-то просто

так можно, лишь имея уверенность в том, что дающего тоже можно обмануть. Никто не верил, что дать можно даром. А Эль-Париж скорее всего просто купили.

– Москвичи набирают обороты, – не отвлекаясь от работы, заметила Лиса.

– Их сеть столь хороша?

Лохлан вообще плохо разбирался в сетевых технологиях, а в отличиях одной от другой не понимал ничего.

Лиса улыбнулась. Слегка, только кончиками губ.

– Она совершенна. В ней есть что-то демоническое.

Лохлану было странно слышать подобные слова от нее. Демоны и компьютеры – для правоверного нейкиста вещи несовместные. Мир Цифры – строгие алгоритмы, красота математической точности. Места богам и демонам не было в учении Поэтессы. Флетт неплохо разбирался в этих тонкостях – в силу своей университетской специальности он знал многое, имеющее отношение к поведению социума. Традиции и разнообразные течения, одним из которых был нейкизм, занимали в мотивации коллективной психологии одно из главных мест.

– Она притягательно страшна? – Лохлан улыбнулся.

– Она притягательно логична. Она притягательно проста. И не менее притягательно жизнеспособна.

Лохлан опустил руку в карман, пальцы нащупали лежащий там цилиндр. Маленький упругий кусок пластика, на него нужно всего лишь легко надавить.

– В «Наукома» работают гении, – Флетт сам не понял: спрашивал он или утверждал.

– В «Наукоме» работают люди. Просто они слишком долго скрывали от мира то, что значилось в их перспективных разработках. И потом, не забывай – у них есть Новая энергия.

– Которой они не хотят делиться, – добавил Лохлан.

– В точку. Кто знает, чего хотят москвичи? Тебе не кажется, что они вообще слишком много хотят?

Лохлан легонько сжал податливую поверхность серого цилиндра. Но не до конца, лишь обозначил действие.

– Ты знаешь, – начал Флетт, – людям свойственно пребывать во власти собственных стереотипов. Мы привыкли, что в государствах правят правительства, всевозможные султаны и президенты, в Анклавах – СБА, в традициях – шейхи, ламы, папы. Мы наделяем властью образ, мы поклоняемся ему, мы можем ругать и быть недовольными, но мы априори подчиняемся тому, что имеет соответствующее название. Пустой конфетной обертке.

– Сильные лидеры всегда добиваются своего.

– Сильные лидеры всегда заворачивают в ту самую конфетную обертку нужных им людей. А если свободного фантика не подворачивается под руку, они делают новый. Пока то, чем они управляют, не назовут словом, имеющим сакральный смысл для остальных, власть этого сильного лидера – мыльный пузырь.

– Но при чем здесь «Науком»? – Лиса заинтересовалась разговором и оторвалась от «раллера». На экране ее компьютера застыли строчки машинных кодов – сакральный язык нейкистов.

– С помощью яркой обертки легко манипулировать людьми – красивый фантик притягателен. Верхолазов мало, они обычные люди – ну, с физиологической точки зрения. Какой-нибудь не самый больной бродяга запросто дал бы в челюсть тому же Койману. Если бы не одно «но» – яркая обертка под названием СБА, отвлекающая его внимание. А внутри ее ничего нет, реальная власть у верхолазов, они повелевают миром. Но у них, похоже, появился конкурент – «Науком». Со своими совершенно новыми обертками – бесплатная сеть, чудесная Новая энергия. Не удивлюсь, если полигон № 13 скрывает еще пару десятков сказочных технологий, которые москвичи не забудут преподнести миру должным образом. И в должный момент.

Внезапно Лиса снова обратила свой взор к «раллеру», руки ее запорхали над клавишами, пальцы стремительно набирали команды. Спустя несколько секунд машинистка остановилась, повернув «раллер» экраном к Лохлану. Там отображалась главная страница сайта центрального отделения Европола, базирующаяся в сети Эль-Парижа.

– Вот сеть «Науком», – объяснила Лиса. – Никаких паролей и кодов. Но войти невозможно. Сеть сканирует каждого, определяя его уровень доступа. Никакие поддельные «ба-

лалайки», никакие вирусы не помогут – я проверяла, алгоритм, пропускающий внутрь своих, работает настолько четко и быстро, что создается впечатление, будто на каждом узле их сети стоит как минимум сотня «поплавков». Но это не так – «поплавки» очень прожорливы, а сеть «Науком» экономична до безобразия. Я не могу это сломать. Ни с «синдином», ни с «поплавком». Возможно, кто-то из Великих смог бы, но...

Теперь Лохлан понял, что демонического видела в научмовской сети Лиса. Для нее это была Цифра, поработенная и обманутая, шаг назад от забрезжившей на горизонте эпохи Цифры.

Флетт отпустил пластиковые бока цилиндра. «*Ihnins vespen rea*». Сегодня номер два не понадобится.

– Пока в Эдинбурге работает старая сеть, у Бойда есть шанс. Если сюда придет «Науком», наши шансы сравняются с нулем.

Мортенс вертел в руке хрустальный стакан, на дне которого темнели остатки виски. Пракаш призывным жестом приподнял стоящую на столе бутылку, но директор отрицательно мотнул головой. Мортенс пил мало.

– Сколько ты еще сможешь держать Анклав? – спросил директор.

Джабраил Пракаш – невысокий худой индус, неизменно облаченный в серо-стальной, плотно сидящий на нем костюм-тройку – был не просто начальником отдела внутренней безопасности СБА Эдинбурга. Он был одним из трех человек, посвященных во все тонкости плана, который Мортенс вознамерился претворить в жизнь во что бы то ни стало. Тому, кто не знал его, могло показаться, что этот маленький, можно даже сказать, хлипкий человечек не представляет никакой опасности. Его расслабленная поза, безвольно опущенные руки... Силу, таившуюся внутри, выдавали только глаза – черные, смотрящие жестким, словно пронзающим насквозь, взглядом.

Вторым был Дэвид Филгорн, с которым Мортенс только что разыграл отрепетированное заранее шоу – на совещаниях в основном приходилось метать бисер перед свиньями. Среди владельцев корпораций Анклава было немало абсолютно ничего не соображающих в бизнесе сынков удачливых

и деловых отцов. Эти рассуждали подобно сброду на улицах, они не видели перспектив, а с радостью хватались за возможность получить сиюминутную выгоду. Если бы не нынешнее бедственное положение, на них можно было бы не обращать внимания – рано или поздно тигры, вроде Коймана, сожрали бы их корпорации. Но сейчас подобные ошибки могли очень плачевно закончиться. Поэтому убедить, что сеть «Науком» несет в себе угрозу, нужно было всех.

– Не знаю, Мортимер, – покачивая головой, ответил Пракаш. – Не знаю. К хорошему привыкают быстро. И тогда нужно лучшее. А мы пока не можем дать людям ничего нового. Тот нищенский паек, которым мы обеспечиваем их сегодня, уже никого не восхищает. Люди готовы честно отрабатывать свой хлеб, работы полно, но с хлебом подвижек нет.

– Койман божится, что через пару месяцев они с Ульссоном закончат монтаж нового танкера – эмиру придется увеличить нашу квоту электричества, ему некуда будет деваться. Тогда откроется еще одна пищевая фабрика.

Мортенс задумчиво кусал костяшку указательного пальца правой руки. Он нервничал – было от чего. Но во взгляде все та же каменная стена, которую пока не удалось пробить никому.

– По сведениям аналитиков, – сказал он, разглядывая красноватый след от собственных зубов на пальце, – число грабежей на всех территориях увеличилось. Растет недовольство властью. Люди на грани. Я тебе честно скажу,

Джабраил, я боюсь. Если этот сброд с окраин попрет на наши блокпосты, мы не выдержим. А он обязательно попрет. Рано или поздно.

– Прижми их к ногтю. Вопросы безопасности полностью во власти СБА, – сказал Пракаш.

Он был прав. Верхолазы платили СБА. Сегодня они платили лично Мортенсу. И их особо не беспокоило, какими путями директор обеспечит стабильную обстановку и защиту корпоративных территорий. В конце концов, другого кандидата на этот пост они всегда найдут. Такого, кто не станет колебаться. Но...

– У нас связаны руки, – возразил Мортенс. – Сеть практически не работает. Даже те остатки, что функционируют сегодня, подвергаются постоянным атакам. Мы не можем уследить даже за тем, что происходит на корпоративных территориях. Окраины – вообще живут своей жизнью. Эмир Шотландии постоянно прощупывает почву о ситуации у нас – он не оставляет надежду ввести Эдинбург в состав своего эмирата. Хитрая крыса! Они свое получили, с них взятки гладки, а очередной караван с продовольствием не добрался до Анклава.

– Почти в каждом клане на окраинах есть наши люди. Или – люди наших людей, – возразил начальник внутренней безопасности. – Мы имеем относительный контроль над окраинами.

– Но не над территориями халифата. Кто нападает на ка-

раваны?

– Кто угодно. Рассказать некому – никто не вернулся. Проследить всю территорию эмирата мы просто не в состоянии. У меня есть свои методы, но они не всегда приносят плоды на чужой территории.

– И внутри Анклава: не переоценивай свои силы, Джабраил. Люди наших людей – это очень расплывчатое понятие. Мы не можем проследить за ними, нам приходится строить из себя великих психологов и верить всем на слово.

– Или не верить.

– Или так. Но не забывай, что каждый ведет свою игру. У каждого свои планы на жизнь.

Пракаш усмехнулся:

– Чего это ты сегодня решил вспомнить о прописных истинах? В конце концов, аналитический отдел занимает целый этаж в «Солнечной игле». И, скажу тебе, ребята едят свой хлеб не зря.

Мортенс, глядя куда-то в сторону, покачал головой.

– Мне постоянно кажется, что мы недооцениваем то, что происходит сейчас в Анклаве. Держи их, Джабраил, держи. Любой ценой, осталось всего ничего, нам нужно дотянуть.

Верхолазы заперлись в своих отлично охраняемых силами СБА районах. Они думают, что все вопросы можно решить силой или деньгами. Можно, но не в ситуации, когда терять уже нечего. А именно такая ситуация сегодня и складывается в Анклаве. Только верхолазам об этом лучше не знать.

Когда мир рухнул – в самом прямом смысле, – после короткого ужаса и депрессии в Эдинбурге царила некоторая эйфория. Конечно – большинство Анклавов пострадало намного сильнее Эдинбурга, от Рио, к примеру, по сводкам, вообще ничего не осталось. Даже мусора – только голые, словно облизанные скалы. Морти помнил эту картинку, снятую со спутника, которую неоднократно показывали в новостях год назад.

Эдинбургу повезло – разрушения можно назвать незначительными, радиоактивный фон, несмотря на целую серию аварий на АЭС в Британском халифате, оставался на относительно невысоком уровне. Но эйфория быстро закончилась – вместе с запасами продовольствия. Тогда началась первая волна беспорядков.

Толпы голодных ублюдков, решивших, что хуже уже не будет, вышли на улицы. За пару дней люди превратились в толпу, которая перла с окраин в центр, желая вытрясти душу из верхолазов и пожить как богачи.

Тогда Мортенс сказал, что стрелять не имеет смысла. Конечно, безы оборонялись, отступая в глубь корпоративных территорий, но масштабных боев СБА не вела. Койман тогда согласился, и это, как считал Мортенс, спасло ситуацию.

Сценарий отработали старый как мир. Верхолазы выжали все, что могли, из своих владений – с тех пор каждому жителю Анклава полагался бесплатный паек трижды в неделю. Людей попросту купили. Где-то все-таки пришлось постре-

лять — заводили и провокаторы не везде поняли бесперспективность своих действий, а где-то — Мортенс был в этом уверен — действовали люди извне. Скорее всего посланцы милейшего и миролюбивейшего эмира Шотландии.

Спокойствие, воцарившееся на улицах Анклава после введения бесплатных пайков, разумеется, было мнимым. Не было никакого спокойствия, просто еду большей части населения взять больше негде, но пока голодных смертей почти не случалось, власть удавалось удерживать.

Мортенс быстро понял, что без сети он никак не может контролировать Анклав. Безы не знали, что происходит в соседнем с блокпостом переулке, что уж говорить об окраинах, в которых спокойствия не было и до Катастрофы.

Но выход был найден. В глубинах истории: сеть, «бала-лайки», СБА — эти вещи существовали не всегда. Мортенсу удалось довольно быстро наладить нечто вроде сетевого маркетинга на территории всего Анклава. Правда, пришлось пожертвовать чистотой кадров, позволив части сотрудников СБА участвовать в организации преступных сообществ. Проследить за сделками теперь было невозможно, все тайное оставалось тайным. Но круговая порука, устроенная директором, работала неплохо. Бандиты носили дань безам, прикрывающим их, безы — начальству. Все работало как надо.

Деньги и услуги интересовали людей всегда. Денег много не бывает, способ борьбы со взяточничеством и воровством

во все времена только один – поймать вора с поличным и отрубить ему руку: хоть в прямом, хоть в переносном смысле. Никакие повышения зарплат действия не имели.

Но Мортенсу деньги не были нужны, он и так неплохо себя чувствовал, пока верхолазы считали, что он справляется со своими обязанностями. Мортенсу была нужна информация, и он ее получал. Вместе с деньгами начальники отделов требовали от подчиненных отчетности о планах их группировок. Люди часто врал, это понятно, но современные аналитические методы позволяли без большого труда проследить общие тенденции даже в море лжи.

Пока удавалось вовремя выявлять назревающие проблемы и устранять их. Разными способами. Но с каждым днем эти способы работали все хуже. Экономика Анклава постепенно росла. Но слишком уж медленно, намного медленней, чем того требовала ситуация.

– Ты слышал о предложении Мертвого? – спросил Мортенс у Пракаша.

Вместе с предложением о подключении к сети представители «Наукома» принесли еще одну весть. Еще одно предложение, которое слишком походило на требование. Очень заманчивое. И столь же, как и их сеть, неоднозначное.

– Ты веришь в эти рассказы? – Пракаш всегда слыл человеком прагматичным. Он никогда не верил в то, что не мог пощупать собственными руками.

– Какие у нас основания сомневаться? Ведь для чего-то

они затеяли эту опасную игру на Станции.

– Я думаю, игру на Станции они затеяли, чтобы заграбастать Новую энергию в свои руки. Чтобы повелевать миром. Именно это они и делают – сначала сеть, потом выселение. Через полгода придумают что-нибудь еще. Они пытаются показать, что это все – жесты доброй воли, помощь ослабевшим Анклавам. Но это не так. Если мы согласимся на их подачки раз, потом другой, то в один прекрасный момент можем обнаружить, что от нас уже ничего не зависит.

– То есть ты бы не ввязывался в это дело?

Представители «Наукома», прибывшие два дня назад на самолете из Москвы, рассказали Мортенсу о новых мирах. Они передали предложение Мертвого – двери в один из этих миров были открыты для всех желающих. Москвичи даже брались помочь с транспортом. Единственное требование, которое они выдвигали – организация на территории Анклава лагеря, где можно было бы производить отбор желающих.

Колонизация новых миров – занятие непростое и до конца никому не понятное. Поэтому всех подряд сейчас взять они просто не в состоянии. Слишком много требуется еще сделать, слишком много работы на самой Станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.